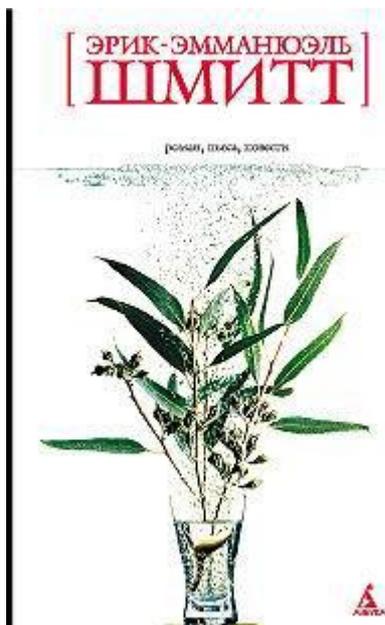

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Распутник

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Распутник

«Я в ярости оттого, что барахтаюсь в этой чертовой философии, которую разум мой не может не поддерживать, а сердце не устает опровергать».

Дени Дидро, в письме к г-же де Мо, сентябрь 1769 г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дени ДИДРО, философ.

Г-жа Анна-Доротея ТЕРБУШ, профессия: живопись и мошенничество.

Г-жа Антуанетта ДИДРО, жена Дидро.

Анжелика ДИДРО, дочь Дидро.

Мадемуазель ГОЛЬБАХ, юная девушка.

БАРОННЕ, секретарь Дидро.

Декорация не меняется.

Маленький охотничий" домик в глубине Гранвальского парка. Барон Гольбах отдал его в распоряжение Дидро, который, естественно, превратил свое обиталище в нечто среднее между рабочим кабинетом, будуаром и научной лабораторией, где царит ужасающий кавардак. Книжки, телескопы, реторты в беспорядке валяются на кушетке, креслах и вышитых покрывалах. По углам, что любопытно, валяются какие-то старые деревянные игрушки. Одна дверь ведет наружу, в парк, другая — в прихожую; над этой второй дверью — слуховое окошко «бычий глаз».

Сцена первая

Дидро, г-жа Тербуш.

Анна-Доротея Тербуш, портретистка прусско-польского происхождения, пишет портрет Дидро, который лежит на софе, лицом к художнице и спиной к публике. На нем некое подобие античной тоги, оставляющей обнаженными его плечи и руки.

Г-жа Тербуш. Перестаньте менять выражение лица, мне никак не удастся вас «поймать»! Только что вы были задумчивы, в следующий миг — мечтательны, а теперь ваше лицо выражает отчаяние. В течение десяти минут у вас была сотня разных физиономий. Все равно что писать горный поток!

Дидро. Я вижу только один выход: усыпите меня.

Г-жа Тербуш смеется, подходит к Дидро и обнажает его плечо.

Г-жа Тербуш. Люблю философию.

Дидро. Лучше бы вы любили философов.

Г-жа Тербуш. Не говорите ерунды: Сократ был Уродлив. *(Пауза.)* Я слышала, у него был небольшой изъян... он... больше интересовался мужчинами... Короче говоря, для женщин он был все равно что погибшим!

Дидро. А вот я гибну из-за женщин. В моих нравах нет ничего античного; я не только не хочу носить женское платье, но и предпочитаю, чтобы женщина в моем присутствии обходилась без него...

Г-жа Тербуш. Не двигайтесь. *(Пауза.)* Мне бы хотелось написать его портрет... Сократа.

Дидро. Вы находите, что я на него похож? Друзья иногда называют меня «расхристанным Сократом».

Г-жа Тербуш. Вы действительно весьма неряшливы...

Дидро. И это все?

Г-жа Тербуш. Вы неплохой философ...

Дидро. Вот как?

Г-жа Тербуш...И в общем, не так уж уродливы.

Дидро *(чарующе)*. Не так уж?

Г-жа Тербуш. Совсем не так уродливы.

Дидро *(доволен)*. Ах, как же я люблю живопись!...

Г-жа Тербуш. А я — философию!

Смотрят друг на друга с возделением. В эту минуту кто-то торопливо стучит в дверь.

Сцена вторая

Голос Баронне, г-жа Тербуш, Дидро.

Дидро. Что такое?

Голос Баронне. Господин Дидро, господин Дидро, это очень срочно!

Дидро. Я работаю! *(Г-же Тербуш.)* Есть дела и более срочные...

Голос Баронне. Господин Дидро, это для «Энциклопедии»!

Дидро *(разом меняя тон)*. «Энциклопедия»? Что там еще стряслось? *(Выпрямляется, натягивает халат. Г-же Тербуш.)* Прошу прощения.

Сцена третья

Баронне, г-жа Тербуш, Дидро.

Молодой Баронне, секретарь «Энциклопедии», входит поспешно, запыхавшись.

Баронне. Руссо отказался писать статью. Говорит, что недавно у него уже были неприятности с полицией и он больше не хочет рисковать и полгода отсиживаться в собственном погребе. Он сообщил это мне сегодня утром.

Дидро. Но ведь нам через три дня отдавать в типографию! Мы уже и так задержали! Чертов Руссо! Полиция! А я, что же, разве не сидел в тюрьме?

Баронне. Мы оставили полосу в четыре колонки для его статьи, это последняя, которую мы ждали, все остальное уже готово. Есть только один выход, сударь, боюсь, что, как всегда...

Дидро. Что?

Баронне. Боюсь, что вам придется...

Дидро. Ну уж нет... Нет, Баронне, у меня нет времени.

Баронне. Вы, сударь, с такой легкостью все делаете...

Г-жа Тербуш. Когда у него есть время!

Баронне. Сударь, вам же не впервые приходится писать статью в последнюю минуту. И «Энциклопедии» от этого никогда не было хуже.

Дидро. Вот что, мой милый Баронне, я уехал из города в имение барона Гольбаха, чтобы отдохнуть!

Баронне (*умоляюще*). Сударь!... Ради «Энциклопедии»!

Дидро. Тема статьи?

Баронне. Мораль.

Дидро. Превосходно! Ступай к барону Гольбаху, он где-то в парке. Он годами сочиняет огромный трактат о морали, ему ничего не стоит извлечь из него пару страниц.

Баронне выглядит не очень убежденным.

Баронне. Барон Гольбах? Сударь, ваша подпись будет смотреться куда лучше!

Дидро. Ладно, пусть он напишет, а я подпишу. Ступай, Баронне, ступай!

Баронне, недовольный, подчиняется и выходит.

Сцена четвертая

Г-жа Тербуш, Дидро.

Г-жа Тербуш. Благодарю. Дидро. С тех пор, как я руковожу «Энциклопедией», это занятие съедает все мое время. Но сегодня я буду непреклонен. Я дарю мое время вам.

Г-жа Тербуш. Принимаю. (*Начинает рисовать.*) Ваш секретарь, похоже, был не в восторге от идеи просить статью у барона.

Дидро. Надо признать, Гольбах пишет тяжеловато. Он макает свое перо в крахмал. Вообразите пирог без дрожжей — вот вам литература барона Гольбаха: она забивает желудок, а мозг при этом остается без пищи.

Она резко откладывает свои мелки.

Г-жа Тербуш. Господин Дидро, я должна вам кое в чем признаться.

Дидро (*игриво*). О! Эти признания!... Г-жа Тербуш. Так у нас совершенно ничего не получится, и вы, и я — мы оба на ложном пути, это не то, к чему я стремилась.

Дидро. А к чему вы стремились? Г-жа Тербуш. Я бы не хотела, чтобы мы ограничились этой позой. Дидро. Согласен. Г-жа Тербуш. Мы должны пойти... гораздо дальше!

Дидро. Я готов следовать за вами.

Г-жа Тербуш. Понимаете, мне хотелось бы воздать должное естеству и вспомнить

невинность первых эпох...

Дидро (*с загоревшимся взором*). Да-да, давайте-ка прислушаемся к нашему естеству...

Г-жа Тербуш. Я бы хотела сделать с вами то, что мне не удалось с Вольтером...

Дидро. Вот как! С Вольтером это больше не удастся...

Г-жа Тербуш. Одним словом, раз уж, как говорите вы, французы, кошку следует называть кошкой, то, простите мне такую дерзость, я хотела бы написать вас... обнаженным!

Дидро (*приходя в себя*). Простите?... Г-жа Тербуш. Я хочу, чтобы философ предстал перед миром с тою же простотой, что и любая другая модель, таким, каким его сотворила природа. Дидро. Философа, знаете ли, творит не столько природа, сколько знания и размышления.

Г-жа Тербуш (*не слушая его*). Создать картину уникальную в своей откровенности: философ в его наипростейшем состоянии!

Дидро. Так-то оно так, но... я как раз не очень уверен в простоте моего состояния.

Г-жа Тербуш. Господин Дидро, вы писали, что стыдливость не является чувством естественным. (*Резко достаёт томик с заложённой страницей.*) Вы показали это, когда исследовали мораль слепца: «Он не понял бы, для чего нужна одежда, если бы она не защищала его от превратностей погоды; он честно признается, что не догадывается, почему одни части тела следует прикрывать более, нежели другие, и вовсе недоумевает, по какой нелепости среди прикрываемых частей тела главенствуют те, чье назначение, а также недомогания, коим они бывают подвержены, требовали бы оставить их неприкрытыми». Давайте без жеманства, господин Дидро, со мною вы можете поддерживать отношения совершенно философические!

Дидро. Но в том-то и дело, что я не знаю, сможем ли мы ограничить их узкой сферой философии. Вы — женщина, а я...

Г-жа Тербуш. Я — художник, а вы — философ.

Дидро. Однако же вы хотите остаться в одежде, а меня ее лишит! Вот если и вы будете в том же виде, тогда другое дело...

Г-жа Тербуш. Вы шутите, господин Дидро! Я не предлагаю вам ничего постыдного.

Дидро (*разочарованно*). Ах...

Г-жа Тербуш. Поверьте, мне доводилось видеть голого мужчину!

Дидро (*по-прежнему разочарованно, с налетом лицемерия*). Разумеется. Оставим это, оставим.

Г-жа Тербуш. И не одного!

Дидро. Надо же!

Г-жа Тербуш. И притом самых разных — красивых, уродливых, высоких, толстых, с маленькими членами, с огромными членами, с...

Дидро. Хорошо, хорошо, оставим это.

Г-жа Тербуш. Если вы полагаете, что их нагота меня волнует, вы заблуждаетесь: я не чувствую ровно ничего, по крайней мере с некоторых пор. Должна вам сказать, что ваша нагота вызовет у меня не больше эмоций, чем покрывало этой софы, или складки вашей тоги, или хотя бы эта подушка

Дидро (*с досадой, про себя*). Подушка? Любезней некуда. (*К ней.*) Да, но...

Г-жа Тербуш. Что?

Дидро. А если это вызовет эмоции у меня?

Г-жа Тербуш. То есть?

Дидро. Находиться в таком виде... перед вами...

Г-жа Тербуш. И что же?

Дидро. Вы не так уж непривлекательны... к тому же...

Г-жа Тербуш. Я ошиблась. Я читала вас, восхищалась вами, считала вас единственным человеком в Европе, способным быть выше некоторых условностей; я видела в вас простоту, невинность Адама до грехопадения. Неужто я была так глупа?

Дидро. Погодите! (*Пауза. Он явно решает на что-то.*) Значит, я снимаю тогу и

ложусь, так?

Г-жа Тербуш. Именно так.

Дидро подчиняется и, раздевшись, ложится на софу.

Г-жа Тербуш (*берет свои мелки, начинает рисовать*). Я восхищаюсь вами, господин Дидро: какая стойкость духа!

Дидро (*ворча*). Оказывается, необходимо снять штаны, чтобы люди оценили мою стойкость духа!

Г-жа Тербуш. Вы красивы.

Дидро (*раздраженно*). Я знаю — великой внутренней красотой...

Г-жа Тербуш. Нет, я говорю о вашем теле, господин Дидро. Это ложь, что Сократ был уродлив: вы красивы!

Дидро. Хватит, говорите со мной как с подушкой.

Она подходит и поправляет его позу. Дидро страдает от такого обращения. Она возвращается к мольберту.

Г-жа Тербуш. Почему вы больше не смотрите на меня?

Дидро. Угадайте.

Г-жа Тербуш. Посмотрите на меня.

Дидро (*смущенно*). Поскольку со времен падения Адама человек не властен над всеми частями своего тела, а среди них есть и такие, которые желают, когда сын Адамов не желает, и не хотят, когда сын Адамов был бы вовсе не прочь...

Г-жа Тербуш. Я совершенно не разбираюсь в теологии, я требую, чтобы вы посмотрели на меня.

Дидро. Отлично, тогда пеняйте на себя.

Он больше не прячет свой половой член. Смотрит на нее. Она рисует.

Дидро (*недоволен собою*). Ах!

Г-жа Тербуш (*не поворачивая головы*). Что такое?

Дидро. Ничего... Я бы хотел быть подушкой.

Г-жа Тербуш (*строго*). Не шевелитесь и смотрите на меня.

Он подчиняется.

Г-жа Тербуш (*бросает быстрый взгляд в его сторону*). Я сказала: не шевелитесь.

Дидро. Да я не шевелюсь.

Г-жа Тербуш. Перестаньте же, прошу вас.

Дидро вдруг понимает причину этого движения, смотрит вниз, краснеет и прикрывает свой член рукой.

Г-жа Тербуш (*продолжая работать*). Естественно, я сказала! Держитесь естественно! Ничего не скрывайте! Голая философия. Не скрывайте ничего.

Дидро. Тем хуже для нее. Для философии!

И он больше не прикрывает свою наготу.

Г-жа Тербуш продолжает делать набросок, но ее взгляд то и дело возвращается к чреслам философа, чье возрастающее волнение явно производит на нее впечатление.

Г-жа Тербуш (*с легким укором*). Господин Дидро!

Дидро. Это выражение возрастающей стойкости моего духа.

Она пытается продолжать, не глядя в его сторону слишком часто. Несколько мгновений она работает над полотном, затем смотрит на Дидро снова. На сей раз она изображает смятение, вскрикивает и роняет свои мелки.

Г-жа Тербуш. Ах!

Дидро подхватывает ее и с вожделением обнимает.

Дидро. Что такое? Г-жа Тербуш. Вот это!

Дидро. Не беспокойтесь, сердце у меня не такое твердое.

Она позволяет обнять себя. Поцелуй. В это мгновение в дверь очень сильно стучат.

Сцена пятая

Голос Баронне, Дидро, г-жа Тербуш.

Голос Баронне. Господин Дидро, господин Дидро!

Дидро. Меня нет!

Голос Баронне. Господин Дидро, господин Дидро, откройте, это Баронне!

Дидро. Баронне! Не погулять ли тебе с полчаса... *(смотрит на г-жу Тербуш)*... или лучше часик *(г-жа Тербуш делает ему знак)*... а еще лучше — часика полтора... пока господин Дидро вернется?

Голос Баронне. Господин Дидро, барона Гольбаха невозможно найти! Он уехал в Шеневьер с визитом и вернется только вечером. Статью от него вовремя не получить.

Дидро немедленно натягивает свой халат.

Дидро *(г-же Тербуш)*. Извините меня...

Г-жа Тербуш *(со вздохом сожаления, но по-прежнему улыбаясь)*. Откройте ему, а я вам открою после.

Дидро. Благодарю, Живопись.

Г-жа Тербуш *(так же)*. Не за что, Философия.

Дидро колеблется — открывать ли дверь.

Г-жа Тербуш. Да откройте же, пусть войдет: я вас не стыжусь.

Сцена шестая

Баронне, г-жа Тербуш, Дидро.

Баронне *входит и бросается к Дидро с непосредственностью юности, ничего не подозревающей об играх взрослых*.

Баронне. Вам необходимо что-нибудь придумать, это чрезвычайно важно.

Дидро. Да, но мы тут с госпожой Тербуш как раз тоже обсуждали одно важное дело...

Г-жа Тербуш... Чрезвычайно важное.

Дидро *(г-же Тербуш, краснея)*. Вы мне льстите! *(К Баронне.)* И притом дело, от которого зависит судьба...

Г-жа Тербуш... Всей Европы!

Дидро *(подскакивая от такой лжи)*. ...всей Европы, — словом, дело высоко дипломатическое, и оно, мой юный Баронне, тоже не терпит ни малейшего промедления.

Баронне *(начиная догадываться)*. Я не знал, что дипломатией занимаются в халате...

Дидро. Стало быть, узнал что-то новое и день для тебя не пропал даром.

Баронне. Господин Дидро, мораль — это тема для вас. Только вы способны изменить подход к этому вопросу.

Дидро. Я же тебе сказал: мы работаем! И с полной самоотдачей, можешь мне поверить! *(Успокаиваясь.)* Так что там за тема? Мораль?

Баронне. Мораль.

Дидро и г-жа Тербуш смущенно переглядываются.

Дидро *(не очень искренне)*. Мораль... действительно... это вдохновляет. *(Принимает решение.)* Баронне, иди пока погуляй в парке. Я тут что-нибудь накропаю. И позову тебя.

Сцена седьмая

Дидро, г-жа Тербуш.

Он кладет лист бумаги на обнаженную спину своей собеседницы, пишет и размышляет.

Г-жа Тербуш. Чью точку зрения вы принимаете — Руссо или Гельвеция?

Дидро. Обе представляются мне ложными. Руссо считает человека от природы хорошим, — очевидно, он не был знаком с моей тещей; Гельвеции же считает человека от природы дурным, — очевидно, он всегда изучал только самого себя. Ну а мне представляется, что человек ни хорош, ни дурен, но ему присуще некое стремление к добру.

Г-жа Тербуш. Некое стремление?

Дидро (с легкостью). Да, да, это из тех слов, которые мы взяли у священников; они мало что значат, но всегда производят большое впечатление. *(Пишет.)* «Неодолимая сила побуждает нас к хорошим поступкам. Мораль есть желание Добра, желание достичь и объять Добро, подобно тому как мы приближаемся к женщине, укрытой одеждами, стремясь не спеша освободить ее от покровов, дабы, нагая, она наконец открыла нам истину...»

Г-жа Тербуш. Это я вас вдохновляю на подобные рассуждения?

Дидро. Нет, Платон.

Г-жа Тербуш. Я не знала, что нас здесь трое.

Дидро. Извините, я сейчас в два счета с этим разделаюсь... *(Размышляет, пишет.)*

Г-жа Тербуш. Вот уж поистине наивность самца...

Дидро. Вы о чем?

Г-жа Тербуш. Сравнить истину с обнаженной женщиной... Нагишом я лгу точно так же, как в одежде.

Дидро. Да? А почему?

Г-жа Тербуш, Потому что я женщина... я хочу нравиться... Вы, мужчины, когда вы раздеты, лжете гораздо меньше.

Дидро. С чего вы это взяли?

Г-жа Тербуш. Глядя на вас, только что: вы демонстрировали свое желание с высоко поднятым флагом. *(Смеется.)*

Дидро зачеркивает написанное.

Дидро. Прекрасно! Истина и Добро не имеют пола! *(В ярости.)* Чертов Руссо! Самый подходящий момент подложить мне свинью!

Г-жа Тербуш. Мой совет: оставьте это.

Дидро. Простите?...

Г-жа Тербуш. Не компрометируйте себя. Не пишите о морали. Все ждут, что вы провозгласите царство свободы, освободите нас от опеки священников, цензоров, власть имущих, от вас ждут просвещения, а не догм. Ни в коем случае не пишите о морали.

Дидро. Приходится.

Г-жа Тербуш. Пожалуйста, не надо. Во имя свободы.

Дидро. Да я не знаю сам, верю ли я в эту свободу! Может, мы просто автоматы, настроенные природой? Судите сами: я думал, у нас будет сеанс позирования, но я — мужчина, вы — женщина; в дело вмешалась нагота, и вот наши механизмы почувствовали неодолимую потребность соединиться.

Г-жа Тербуш. То есть вы утверждаете, что между нами все — механика?

Дидро. В каком-то смысле, да. Свободен ли я? Мое самолюбие отвечает: да, — но то, что я называю волей, не есть ли всего-навсего последнее из моих желаний? А это желание, откуда оно взялось? Из моего механизма, из вашего, из ситуации, которая слишком сблизила наши два механизма. Значит, я не свободен.

Г-жа Тербуш. Это верно.

Дидро. А следовательно, у меня нет морали.

Г-жа Тербуш. Это еще более верно.

Дидро. Ибо, чтобы обладать моралью, надо быть свободным, — да, надо иметь возможность выбирать, принимать решение сделать скорее так, нежели иначе... Ответственность предполагает, что человек мог поступить и по-другому. Кто упрекнет

черепицу за то, что она падает? Виновата ли вода в том, что на улице гололед? Короче говоря, я могу быть лишь самим собой. А будучи собой и ничем другим, могу ли я поступать иначе, чем это свойственно мне?

Г-жа Тербуш. В отношении большинства мужчин это верно. Вы убеждены, что руководствуетесь своим разумом, в то время как на деле вы следуете за своим фаллосом. Но мы, женщины, устроены гораздо сложнее и тоньше.

Дидро. То, что я говорю, относится и к мужчинам, и к женщинам.

Г-жа Тербуш. Такого просто не бывает.

Дидро. Очень даже бывает.

Г-жа Тербуш. Вы ничего не знаете о женщинах.

Дидро. Вы такие же животные, как и все прочие. Немного очаровательнее, чем прочие, согласен, — но все-таки животные.

Г-жа Тербуш. Какая чушь! Да знаете ли вы хотя бы, что испытывает женщина во время любви?

Дидро. Да. Э-э... нет. Ну и что же?...

Г-жа Тербуш. Знаете ли вы, что чувствует женщина, когда подходит к мужчине? *(Пауза.)* Что, например, я могу чувствовать в эту минуту? А если я сейчас притворяюсь?

Дидро. В каком смысле?

Г-жа Тербуш. А если я не испытываю к вам влечения? Если я просто изображаю желание? Если я падаю в ваши объятия с совершенно другими намерениями, чем те, которые мерещатся вам?

Дидро. И какие же, позвольте полюбопытствовать, у вас намерения?

Г-жа Тербуш. Рабочая гипотеза, мы просто рассуждаем. Допустим, у меня нет к вам вождения, но я пытаюсь чего-то от вас добиться.

Дидро *(с тревогой)*. Чего же, например?

Г-жа Тербуш. Это гипотеза, говорю я вам. Предположим, я порочна. Чтобы выказать свою порочность, необходимо быть свободным. Так не является ли порок свидетельством нашей свободы?

Дидро. Нет, поскольку в этом случае порочен ваш механизм, порочен от природы, физиологически, но это тем не менее механизм.

Г-жа Тербуш. Восхитительно. *(С насмешкой.)* А главное, так логично.

Дидро *(подводя итог)*. Таким образом, ваше замечание не меняет в моей теории решительно ничего. Поскольку свободы не существует, то никакой поступок не заслуживает ни похвалы, ни порицания. Нет ни порока, ни добродетели, нет ничего, за что следовало бы вознаграждать или наказывать.

Г-жа Тербуш. Bravo! Но тогда как же быть с моралью? Весьма любопытно, что вы сможете об этом написать.

Дидро тоскливо смотрит на свой листок. Г-жа Тербуш забавляется. Он принимается кружить по комнате.

Дидро *(уязвлен)*. А вот... увидите!... Я не новичок в рассуждениях на темы морали... Я годами над этим работаю...

Г-жа Тербуш. Вот как! И что же вы за эти годы сделали для морали?

Дидро *(без зазрения совести)*. Я... преподавал свой собственный пример.

В дверь сильно стучат.

Сцена восьмая

Голос г-жи Дидро, г-жа Тербуш, Дидро.

Голос г-жи Дидро. Это я!

Дидро. Простите?

Голос г-жи Дидро. Открой! Это я.

Дидро (*удивлен и встревожен*). Моя жена! Только один человек в мире способен с такой убежденностью произнести: «Это я!»

Г-жа Тербуш (*приводя себя в порядок*). Я скроюсь здесь. (*Показывает на прихожую.*)

Дидро. По-вашему, так лучше?

Г-жа Тербуш. Так проще. Но имейте в виду: если это затянется надолго, я чихну. (*Дверь прихожей не открывается.*) Здесь заперто!

Дидро достает из кармана ключ и отпирает дверь.

Дидро. Я в отчаянии, что вынуждаю вас к этому.

Г-жа Тербуш. Напротив, это наилучший выход: похоже, на сей раз мое присутствие действительно ни к чему! (*Исчезает в прихожей.*)

Дидро *опять запирает дверь и прячет ключ в карман. Затем направляется к двери, чтобы впустить жену, но возвращается с полдороги и накрывает холст на мольберте простыней. Затем открывает входную дверь.*

Сцена девятая

Г-жа Дидро, Дидро.

Г-жа Дидро, *женщина лет сорока, живая, крепкая, с простоватыми манерами, стремительно входит в комнату.*

Г-жа Дидро. Ты, конечно, был не один? Дидро. Наоборот. Г-жа Дидро. В таком виде? Дидро. Вот именно. Кто в таком виде принимает посетителей?

Г-жа Дидро садится и выдерживает паузу.

Г-жа Дидро. Я устала.

Дидро. Да?

Г-жа Дидро. Да. Мне надоело быть самой обманутой женой в Париже.

Дидро (*искренне удивлен*). Что случилось?

Г-жа Дидро. Я приехала сказать тебе это. Мне больше невтерпеж, что ты путаешься с каждой юбкой.

Дидро (*без притворства*). Да, но... Это длится годами... Почему именно сегодня?

Г-жа Дидро. Ах, не знаю, нипочему! Сегодня я проснулась и подумала: хватит, мне надоело носить рога.

Дидро (*просто*). Но, Антуанетта... ты поздно вато спохватилась.

Г-жа Дидро. Что?!

Дидро. Ну да, вот уже двадцать лет я шляюсь, а ты вдруг являешься сегодня ни с того ни с сего и открываешь Америку!

Г-жа Дидро. Как! Ты, стало быть, никогда не прекратишь?

Дидро. Вряд ли.

Г-жа Дидро. Каков наглец! И ему даже не стыдно!

Дидро. Нет.

Г-жа Дидро. Ты настолько меня презираешь?

Дидро (*искренне*). Да нет же! Ты добрая женщина, искренняя, честная, замечательная. Никогда еще страсть не была столь оправданна, как моя к тебе. Разве ты не прекрасна? Подумай хорошенько, ты поймешь, насколько ты достойна любви и как я тебя люблю. Мне ни разу не пришлось пожалеть о нашем союзе.

Г-жа Дидро. «О нашем союзе»!... Он называет это нашим союзом!... Для тебя это небось смутное воспоминание среди множества других!...

Дидро. Ничего подобного. Я ни с кем тебя не спутаю. (*Подходит, ласково.*) Можешь ли ты меня упрекнуть, что я тебя забыл?

Г-жа Дидро (*краснея*). Нет... это правда... в этом смысле я, конечно, куда счастливее,

чем многие женщины моего возраста. И... *(Гневно.)* Только мне все время кажется, что, когда мы этим занимаемся, ты думаешь о других женщинах!

Дидро. Никогда!

Г-жа Дидро. Правда?

Дидро. Никогда! Если бы я не изменял тебе, то, наверное, обнимая тебя, думал бы о тех, кого у меня не было. Но поскольку я прихожу к тебе после них, то у меня нет супружеского разочарования и это именно тебя я обнимаю и целую.

Г-жа Дидро *(наполовину убеждена)*. Ты ведь всегда выкрутишься, верно? *(Пауза.)* Между прочим, тем-то ты меня и взял, другого такого краснбая не сыскать было! Тебя называли «Златоуст». *(Пауза.)* Это верно, что для женщины внешность мужчины не так уж и важна.

Дидро. Премного благодарен!

Г-жа Дидро. Так или иначе, нынче утром мне показалось, что я рогата больше обычного, и я решила это прекратить. Но раз ты меня все еще немножко любишь...

Дидро. Даже очень...

Г-жа Дидро...ты должен пообещать, что перестанешь.

Дидро. Нет. Перестать было бы противоестественно.

Г-жа Дидро. Немного воздержания — это все равно что пост, это полезно для здоровья.

Дидро. Вовсе нет. Я вычеркиваю воздержание из перечня добродетелей. Согласись, наконец, что нет ничего более ребяческого, более нелепого, абсурдного, вредного и достойного презрения, чем удерживать в себе все эти соки, разве нет? Они ударяют в голову, человек сходит с ума.

Г-жа Дидро. А как же монахини? И монахи?

Дидро. Надеюсь, они находят выход в самоудовлетворении.

Г-жа Дидро. О!...

Дидро. Зачем им лишать себя мгновений необходимых и сладостных? Это как кровопускание, только гораздо приятнее.

Г-жа Дидро. О!...

Дидро. Какое имеет значение природа избыточного сока и способ от него избавиться? Если он переполнит свой естественный резервуар и распределится по всему механизму, он будет выводиться через мозг, а это путь более долгий, болезненный и опасный, и сок все равно пропадет без пользы. Природа не выносит ничего бесполезного, и в чем был бы грех монахов, если бы они помогли природе, когда она их к этому призывает посредством самых недвусмысленных симптомов? Не будем же провоцировать природу, — напротив, протянем ей при случае руку помощи!

Г-жа Дидро. Обходись как знаешь, но я не желаю больше терпеть твои измены. Мы, в конце концов, женаты! Ты, часом, не забыл?

Дидро. Брак всего лишь чудовищная нелепость в естественном порядке вещей.

Г-жа Дидро. О!...

Дидро. Брак претендует на нерасторжимость обязательств. Любой здравомыслящий человек трепещет при мысли о хотя бы одном нерасторжимом обязательстве. Ничто не кажется мне более безумным, нежели постулат, противящийся переменам, которые в нашей природе. Ах, я так и вижу молодую пару, которую ведут к алтарю: словно чета буйволов, которых ведут на бойню! Бедные дети! Их заставят поклясться в верности, ограничивающей самое переменчивое из наслаждений одним-единственным человеком. Они пообещают убить свое желание, удавив его цепями верности!

Г-жа Дидро. Я тебя больше не слушаю.

Дидро. Ах, эти любовные обещания! Так и вижу эту первую клятву, которую дают друг другу два существа из плоти и крови перед потоком, который пересыхает, под небом, которое изменяется, у подножия скалы, которая рассыпается в пыль, под деревом, которое умирает, на камне, который теряет силу и прочность. Все преходяще в них самих и вокруг них, — а они дают друг другу вечные клятвы, полагая свои сердца неподвластными никаким

превратностям. О, дети, эти вечные дети!...

Г-жа Дидро. То, что ты говоришь, просто гнусно!

Дидро. Желания пронесаются сквозь меня, мне встречаются женщины, я всего лишь точка пересечения сил, которые превосходят меня и составляют мою сущность.

Г-жа Дидро. Красивые слова, фразы, — и все это, чтобы сказать, что ты просто свинья!

Дидро. Я то, что я есть. И ничто иное. А все сущее не может быть ни против природы, ни вне ее.

Г-жа Дидро. Тебя повсюду обзывают вольнодумцем и распутником.

Дидро. Распутство есть способность делать различие между полом и любовью, между сочетанием и совокуплением, короче говоря, распутство — это всего лишь способность различать оттенки и стремление к точности.

Г-жа Дидро. У тебя нет морали!

Дидро. Еще как есть! Просто я считаю, что мораль есть не что иное, как искусство быть счастливым. *(Бросается к письменному столу.)* Вот видишь, я как раз писал это в статье «Мораль» для «Энциклопедии». *(Принимается записывать все, что тем временем говорит своей жене.)* «Каждый человек ищет свое счастье. Существует лишь одно-единственное стремление: быть счастливым, и одна-единственная обязанность: быть счастливым. Мораль есть наука, производящая обязанности и справедливые законы от идеи об истинном счастье».

Г-жа Дидро. Так-то оно так, да только то, что доставляет счастье тебе, господин умник, вовсе не всегда делает счастливой меня!

Дидро. Неужели ты полагаешь, что одно и то же счастье существует для всех? *(Пишет.)* «Большинство трактатов о морали являют собою рассказ о счастье тех, кто их написал». *(Работа явно доставляет ему наслаждение.)*

Г-жа Дидро *(недоверчиво)*. Тебе поручили писать про мораль для «Энциклопедии»? А почему не про отварную говядину или про баранье рагу под винным соусом?

Дидро. При чем здесь рагу?

Г-жа Дидро. При том, что в готовке ты тоже ничего не смыслишь.

Дидро бросает на нее взгляд, исполненный ярости.

Г-жа Дидро *(вставая)*. Ладно, я поняла. Всяк сверчок знай свой шесток. Я возвращаюсь домой.

Дидро. Ты говоришь как женщина, ты давишь на меня, ты меня сковываешь. Ты только и мечтаешь загнать меня в тюрьму.

Г-жа Дидро. Я?!

Дидро. Кто, интересно, женщины или мужчины, мечтает об очаге, семейной жизни, детях? Кто предпочитает любовь — страсти? Чувство — инстинкту пола? Кто хочет гарантий и обеспеченности? Кто хочет остановить время и движение раз и навсегда?! Ну, тут-то женщины и церковники идут рука об руку! Женщины хотят сделать из живого человека статую, они предпочитают мрамор — живой плоти, они создают кладбища! Мужчина мечтает оставаться вольным волком, без ошейника и поводка; женщина же делает из него пса на цепи, прикованного к своей конуре! Женщина реакционна по своей природе.

Г-жа Дидро. У меня голова как кипящий котел от твоей говорильни. Я себя знаю: послушай я тебя две минуты, так буду уже уверена, что ты прав, а через четверть часа вообще, чего доброго, еще стану просить у тебя прощения. Вечно ты меня запутываешь.

Дидро. Вовсе я тебя не запутываю. Я объясняю тебе вещи с философской точки зрения.

Г-жа Дидро. То-то и оно, что с философской! А по мне, ты и философию-то всю придумал только для того, чтобы найти извинение всем своим грешкам! Вот что я думаю.

Дидро *(со смехом)*. Моя драгоценная жена, я тебя обожаю.

Г-жа Дидро. И есть за что! Такую терпеливую и покладистую еще поискать! Говорила мне моя матушка: «Бедняжка моя Нанетта, этот малый, с его честными глазами, облапошит тебя как пить дать!» А я-то вышла за него замуж!

Дидро. Ну и что бы у тебя была за жизнь, если бы ты послушала свою мамашу? Такая же, как у нее?

Г-жа Дидро (*смотрит на него; пауза; затем улыбается и признается с нежностью*). Мне было бы скучновато.

Дидро. Мне тоже.

Г-жа Дидро. Правда?

Дидро. Правда.

Целуются, как два постаревших ребенка. В это время в прихожей что-то падает.

Г-жа Дидро. Там кто-то есть! Дидро. Да нет же.

Г-жа Дидро. Ты принимаешь меня за дурочку? Там кто-то есть.

Дидро. Уверяю тебя — никого.

Г-жа Дидро направляется к двери и пытается ее открыть.

Г-жа Дидро. Кто там? Кто там? Выходите! (*Возвращается к Дидро.*) Я желаю знать, кто там прячется!

Дидро. Он темный, очень волосатый, носит усы, и зовут его Альбер.

Г-жа Дидро. Что?!

Дидро. Это кот барона.

Г-жа Дидро. Кот! Ты когда-нибудь слышал, чтобы кот устраивал такой тарарам? Это какая-нибудь из твоих любовниц.

Дидро (*протягивая ей ключ*). Вот, возьми и посмотри сама, вместо того чтобы изводить себя. Держи.

Она смотрит на ключ и не решается. Он повторяет свой жест.

Г-жа Дидро. Опять я буду глупо выглядеть.

Дидро. Если там кто-то есть или если никого нет?

Г-жа Дидро. Что так, что этак. (*Пауза.*) Так и не скажешь?

Дидро. Сомнение во сто крат сладостней, нежели истина.

Г-жа Дидро. Мм... Ты, стало быть, признаёшься!

Дидро (*протягивая ключ*). Пойди посмотри.

Г-жа Дидро колеблется еще мгновение, затем решает не открывать. Направляется к выходу в парк.

Г-жа Дидро. Бог с ним. Не к чему толочь воду в ступе. (*Оборачивается к нему с порога, улыбается.*) Но ты, конечно, думаешь, что я-то тебе верна?

Дидро. Не знаю. (*С тревогой.*) Да, я так думаю. (*Пауза.*) А разве нет?

Г-жа Дидро. Ах, как знать? (*Уходит.*)

Дидро в замешательстве; он зовет ее.

Дидро. Нет, постой, не уходи. Что ты хочешь этим сказать?

Г-жа Дидро. Ничего.

Дидро. Ты мне изменила?

Г-жа Дидро. Мужчины вынуждены рассуждать, чтобы найти оправдание своему темпераменту, ну а женщины ему просто следуют, вот и все. (*С улыбкой.*) Как знать?

Дидро. Но постой... не уходи так... Вернись!

Г-жа Дидро. Как это ты только что сказал? «Сомнение во сто крат сладостней, нежели истина». (*Уходит, затем снова появляется, явно забавляясь.*) Во сто крат, это точно... если не больше... (*Уходит окончательно, оставив своего мужа в полном замешательстве.*)

Тотчас же г-жа Тербуш принимается барабанить в дверь.

Сцена десятая

Г-жа Тербуш, Дидро.

Дидро, озадаченный, идет на зов г-жи Тербуш, она выходит из прихожей и издает восхищенный свист.

Г-жа Тербуш. Поразительно. Просто виртуозно!

Дидро (*с досадой*). Что, по-вашему, она имела в виду, когда уходила? Вы думаете, у нее есть любовники?

Г-жа Тербуш. Какая разница? Учитывая ваши взгляды на брак, вы ее заранее прощаете.

Дидро. Да, но мне бы все-таки хотелось знать...

Г-жа Тербуш. Да? Что именно?

Дидро (*в ярости, сознавая, что смешон*). Ничего!

Г-жа Тербуш. Настоящая женщина! Она ушла — и оставила вас с мыслями о ней...

(Пауза.) Что это за прекрасные картины сложены там, в прихожей?

Дидро. Разве вы не знаете? Я покупаю их для Екатерины Второй.

Г-жа Тербуш (*разыгрывая удивление*). Для русской царицы?

Дидро. Да. Ей понравились мои отзывы о последних Салонах, и она поручила мне отобрать для Санкт-Петербурга французскую живопись. Барон Гольбах позволил мне хранить эти картины здесь, поскольку его замок надежнее, чем моя квартира.

Г-жа Тербуш. Но они стоят огромных денег! Там по меньшей мере на сто тысяч луйдоров!

Дидро (*с удивлением*). Да... совершенно точно, именно сто тысяч... (*С тревогой.*) Только тсс!

Г-жа Тербуш (*тоном сообщницы*). Тсс! (Пауза.) Поэтому вы и запираете прихожую на ключ?

Дидро. Да, но только никому ни слова!

Г-жа Тербуш. Ни словечка! (*Загадочно улыбается.*) Заканчивайте вашу статью, чтобы нас оставили в покое.

Дидро запирает дверь на ключ и возвращается к своим листкам.

Дидро. Так, на чем я остановился? «Мораль есть наука, выводящая обязанности и справедливые законы из идеи об истинном счастье». (*Про себя.*) И Руссо, и Гельвеции ошибаются, я не верю, что человек хорош или плох от природы, дело не в этом. Он просто ищет то, что доставляет ему наслаждение.

Г-жа Тербуш. Полностью с вами согласна. Я стремлюсь не к Добру вообще, а к тому, что хорошо для меня.

Дидро. Мы лишены свободы. Мы делаем лишь то, к чему побуждают нас наши склонности. (*Смотрит на нее с плотоядной улыбкой.*) О-о... как же мои склонности побуждают меня...

Г-жа Тербуш (*с такой же улыбкой*). А уж мой-то как!...

Ласкают друг друга, куда Дидро продолжает писать.

Г-жа Тербуш. Скажите-ка... я тут слушала, что вы только что говорили вашей супруге насчет соков и жидкостей, подлежащих удалению из организма... я верно поняла?

Дидро. Совершенно верно. Человек как насос, его необходимо регулярно прочищать.

Г-жа Тербуш. Как изящно сформулировано! (*Задумчиво.*) Может, тут-то у вас, мужчин, и кроется ваш врожденный изъян.

Дидро (*бросая писать*). Какой еще наш изъян?

Г-жа Тербуш. Вы не утоляете свои желания, вы от них избавляетесь. Слабость мужчины происходит оттого, что он извергает свое семя. Мы, женщины, проявляем бесконечную жизнеспособность, нам нечего терять в любви, мы... неисчерпаемы.

Дидро (*сдаваясь*). Как же вы умеете обещать...

Г-жа Тербуш. Вы, мужчины, способны лишь на распутство, сладострастие вам недоступно.

Дидро (*целует ее*). А в чем разница?

Г-жа Тербуш. Распутник разряжается и начинает сызнава. Сладострастник интересуется и тем, что предшествует, и тем, что следует потом, — словом, ему интересно все. (*Хохочет.*) Мужчины глупы, ибо уверены, что у всего есть исход — у жизни, у желания...

Дидро. Вас вводит в заблуждение внешний аспект нашего удовлетворения, а оно,

поверьте, вовсе не ограничивается этим извержением водостока. Существует и то, что до, и то, что после... Моему распутству сладострастие очень даже не чуждо...

Г-жа Тербуш. Что вы говорите...

Дидро. Но я постоянно стремлюсь к совершенствованию, к прогрессу... Это единственное, во что я верю, — прогресс... *(Целует ее.)* Так скажите же: что испытывает женщина во время любви?

Г-жа Тербуш. Сейчас увидите...

Дидро. И кому достается больше удовольствия?

В дверь стучат.

Дидро *(в гневе)*. Нет!

В дверь стучат снова, на сей раз потише.

Дидро. Я сказал: нет!

Снова стук в дверь.

Дидро *(г-же Тербуш, со вздохом)*. Простите ли вы меня?

Г-жа Тербуш. Я изнемогаю.

Дидро. В самом деле?...

Г-жа Тербуш *(со вздохом)*. Ладно, пойду досматривать коллекцию императрицы.

Дидро отпирает дверь прихожей.

Дидро. Спасибо. Я постараюсь поскорее управиться...

Запирает дверь на ключ и оставляет ключ в замке.

Дидро. Войдите.

Сцена одиннадцатая

М-ль Гольбах, Дидро.

Дочь барона Гольбаха, прелестная девушка лет двадцати, входит в комнату.

М-ль Гольбах. Господин Дидро?

Дидро *(разыгрывая изумление, роняет перо)*. О, мадемуазель Гольбах! Я думал, вы уехали на прогулку вместе со всей компанией.

М-ль Гольбах. Они там так наелись и напились, что все уже спят на берегу реки. К тому же некоторые компании столь мало привлекательны...

Дидро. А ваш отец?

М-ль Гольбах. Он в Шеневьере.

Дидро. А моя дочь, разве она не с вами?

М-ль Гольбах. Нет, Анжелика присоединится к нам позже, к концу дня. *(Пауза. Она смотрит на мольберт.)* Я думала, вы здесь с госпожой Тербуш.

Дидро *(подталкивая ее к выходу)*. Если я ее увижу, то передам, что вы заходили. До свидания!

Она легонько высвобождается и возвращается в комнату.

М-ль Гольбах. Вы работаете?

Дидро *(с легкой досадой)*. Работал.

М-ль Гольбах *(не поняв намека, показывает на груды бумаги)*. Я бы в жизни не разобралась во всех этих листках.

Дидро. Да я в них тоже не разбираюсь. Пишу без всякого порядка, без плана, наобум, зато так я уверен, что не пропущу интересную идею. Методичная работа вызывает у меня ужас. *(Пауза.)* Вы хотите мне что-то сказать?

М-ль Гольбах *(нерешительно)*. Нет... Да... Я хотела спросить...

Дидро *(весь внимание)*. Слушаю вас.

М-ль Гольбах. Вы могли бы объяснить, почему всегда мужчины ухаживают за женщинами, а не женщины за мужчинами?

Дидро. Почему бы вам не задать этот вопрос вашему батюшке?

М-ль Гольбах. Потому что я знаю, что он ответит.

Дидро. И что же он ответит?

М-ль Гольбах. Нечто противоположное тому, что он на самом деле думает. Отцы всегда лгут, чтобы уберечь добродетель своих дочерей. Скажите мне вы: почему инициатива в любви всегда принадлежит мужчинам?

Дидро (*быстро оглядываясь в сторону прихожей и откликаясь на последние слова г-жи Тербуш*). Потому что это естественно — просить у того, кто всегда может дать.

После чего он делает вид, что вновь погружается в свою работу. Однако м-ль Гольбах явно ничего не желает понимать.

М-ль Гольбах. Я бы хотела привести вам один конкретный пример.

Дидро (*очень раздраженно*). Слушаю.

М-ль Гольбах. Речь идет о молодой девушке лет двадцати — двадцати трех. Она обладает умом, решимостью, житейским опытом, хорошим здоровьем; она скорее привлекательна, нежели красива, она прилично обеспечена и при всем при этом не хочет выходить замуж, ибо сознает все несчастье неудачного брака и большую вероятность оказаться в замужестве несчастливой. Однако она непременно хочет ребенка, поскольку предчувствует счастье материнства и полагает себя вполне способной отлично воспитать своего ребенка, особенно если это будет дочь.

Дидро поворачивается к ней с явным интересом.

М-ль Гольбах. Она сама себе хозяйка. Ей приглянулся мужчина лет сорока, которого она долго изучала и у которого она находит вполне подходящую внешность, а также чрезвычайно ценит его ум и душевные качества. (*Умолкает.*)

Дидро ожидает продолжения, но она молчит, готовясь подсечь свою рыбу. Он торопит.

Дидро. И что же?

М-ль Гольбах. Вот что она ему сказала: «Сударь, я уважаю вас больше всех на свете, но любви к вам у меня нет и никогда не будет; мне ее и не надобно. Если же у вас вспыхнет любовь ко мне, то можно поставить тысячу против одного, что я на нее не отвечу; все, что мне от вас нужно, — это ребенок».

Дидро шокирован этим заявлением.

М-ль Гольбах. «Решайте же, сударь, — продолжала она, — согласны ли вы оказать мне эту услугу. Не стану скрывать, что ваш отказ поверг бы меня в глубочайшую печаль».

Дидро встает и хочет подойти к ней, но она удерживает его жестом и продолжает:

М-ль Гольбах. «Мне известно, что вы женаты. (*Дидро реагирует.*) Возможно даже, что ваше сердце пылает страстью к другой, и я бы ни за что на свете не хотела вам помешать. (*Дидро хмурится.*) Более того, если бы вы были способны бросить все это, вы, возможно, не были бы достойны стать отцом ребенка, которому я желаю быть матерью. (*Дидро снова садится на стул. М-ль Гольбах становится настойчивее.*) Я не прошу у вас ничего, кроме зернышка жизни. Подумайте хорошенько. Я не намерена скрывать свою беременность. Если вы хотите, чтобы никто не знал о том, чем я вам обязана, никто ничего не узнает, я буду молчать».

Пауза. Они напряженно смотрят друг на друга. Молчание это нелегко нарушить.

Дидро. Что же он ответил?

М-ль Гольбах. Кто?

Дидро. Мужчина, которому был задан этот вопрос.

М-ль Гольбах. Он ответил новыми вопросами.

Дидро. Девушка, быть может, была куда красивее, нежели сама предполагала.

М-ль Гольбах (*игриво*). Она даже не представляла, до какой степени фривольность может сыграть ей на руку...

Дидро. Возможно.

Приближаются друг к другу. Дидро с трудом переводит дыхание — так притягивает его юная м-ль Гольбах. Однако тут он замечает лицо г-жи Тербуш в слуховом окошке над

дверью прихожей. Дидро отскакивает и берет себя в руки.

Дидро. Можете дать совет своей подруге.

М-ль Гольбах. Какой же?

Дидро. Пусть никогда не пытается загнать мужчину в угол. Он не сделает ничего по принуждению. *(Отходит с видом победителя.)*

М-ль Гольбах. Какое чванство!

Дидро. Начало должно быть весьма неопределенным, двусмысленным. Необходимо, чтобы мужчине все время казалось, будто все, что с ним происходит, происходит по его собственному почину.

М-ль Гольбах *(неотразимо покорна)*. Но ведь так оно и есть, — поскольку он может все. *(Почти прижимается к нему.)*

Пауза. Дидро бросает взгляд в сторону «бычьего глаза» и убеждается, что г-жа Тербуш за ними больше не наблюдает. Ему все труднее и труднее противиться очарованию девушки.

Дидро *(шепотом)*. Так вы говорите, они спят? Ваш брат, ваша матушка, Гримм и все остальные?

М-ль Гольбах. Как сурки.

Дидро. Что ж, быть может, мы сможем заняться этим вопросом...

М-ль Гольбах...Вплотную...

Дидро...обсудить его...

М-ль Гольбах...изучить во всех подробностях...

Дидро...взвесить все возможные осложнения...

М-ль Гольбах...и в конце концов изложить все эти рассуждения на бумаге.

Дидро. Почему на бумаге?

М-ль Гольбах. Моей подруге это необходимо. Она хочет получить письменное подтверждение, что ее чрево принадлежит ей, равно как и все, что оно может произвести.

Дидро. Откуда такой формализм?

М-ль Гольбах с очаровательной улыбкой протягивает ему перо.

М-ль Гольбах. Для меня это важно...

Дидро хватается перо и торопливо строчит.

Дидро. «Я советую этой девушке прислушаться к голосу своего сердца, ибо природа всегда права». Вот! Вы довольны?

М-ль Гольбах берет этот лист бумаги и внезапно кричит:

М-ль Гольбах. Анжелика! Анжелика!

Сцена двенадцатая

Анжелика, м-ль Гольбах, Дидро. Анжелика

Дидро вбегает и бросается на шею отцу.

Анжелика. Ах, папа, папа! Я так рада! Дидро принимает ее в свои объятия, не понимая, в чем дело.

Дидро. Анжелика! Что ты здесь делаешь? Я думал, ты появишься ближе к вечеру.

Анжелика отстраняется от отца, идет к м-ль Гольбах и целует ее в обе щеки.

Анжелика. Какая ты чудесная подруга! Я готова сделать для тебя еще больше — в десять, даже в сто раз больше! Я тебе помогу всегда, только скажи!

Дидро. Что, в конце концов, здесь происходит?

Анжелика *(отцу)*. Я хочу признаться, что не осмелилась задать тебе этот вопрос сама. *(Перечитывает то, что только что нацарапал Дидро, и счастливо вздыхает.)* Папа, я люблю шевалье Дан-сени.

Дидро. Малыша Дансени? Но ему только девять с половиной!

Анжелика *(со смехом)*. Да нет же, не сына шевалье Дансени, а самого шевалье. Твоего друга.

Дидро *(подскакивая)*. Шевалье? Да ведь он же моего возра... Боже милосердный!

Анжелика. Несколько дней назад я видела его, когда он вернулся с охоты, весь взмыленный, в запыленных сапогах, он шел через Гранвальский парк, и я сразу подумала: «Вот он, отец моего ребенка!»

Дидро. Уж не хочешь ли ты мне сообщить, что ты беременна?

Анжелика. Он — отец ребенка, которого я бы хотела родить. Я желаю получить семя этого мужчины.

Дидро (*оглушен*). Семя... А я-то думал, что юные девушки мечтают о любовных переживаниях...

Анжелика. Видишь ли, папа, я не хочу тревожить шевалье Дансени, вынуждать его бросить жену и так далее. У него такая налаженная жизнь, и я его очень уважаю. Я просто хочу, чтобы он переспал со мной несколько раз — столько, сколько нужно, чтобы я зачала.

Дидро. Анжелика, девочка моя, что навело тебя на мысль, будто именно он должен стать отцом твоего первого ребенка?

Анжелика. Голоса.

Дидро. Что-что?

Анжелика. Мои голоса. Когда я его вижу, голоса во мне говорят, что это он.

Дидро (*в ярости*). Голоса! Точь-в-точь как у Жанны д'Арк, только по другому поводу?

Анжелика (*просто*). Да.

Дидро встает, готовый взорваться. Однако он пытается держать себя в руках и, замечая м-ль Гольбах, обращает свой гнев на нее.

Дидро. А вам-то что здесь надо? Вы не можете оставить нас хоть на минуту?

М-ль Гольбах. У вас такой потрясающий разговор! Я узнаю столько нового, я учусь!

Дидро. Разве вам еще есть чему учиться?

М-ль Гольбах. По-моему, самое интересное — впереди.

Дидро. Ну-ка быстро марш отсюда!

Анжелика. Пожалуйста, оставь нас с ним наедине.

М-ль Гольбах. Везучая, с твоим отцом гораздо интересней, чем с моим! (*Уходит.*)

Сцена тринадцатая

Анжелика, Дидро.

Дидро. Малышка моя, Анжелика, по-моему, тут какое-то недоразумение.

Анжелика (*спокойно*). Вовсе нет. Никакого недоразумения.

Дидро. Ты полагаешь?

Анжелика. Разумеется. Я действую в полном соответствии с тем, что всегда слышала от тебя. Наша единственная задача — быть счастливыми, не вредя другим, верно? Ну так я буду счастлива родить ребенка от Дансени, но не желаю вносить смятение в его жизнь.

Дидро (*медленно*). Анжелика, тебе надо прежде выйти замуж.

Анжелика. За Дансени?

Дидро. Нет. Ты должна выйти замуж за человека, который станет отцом твоих детей.

Анжелика. Но ведь Дансени уже женат!

Дидро (*взрываясь, гневно*). Да отцепись ты с этим Дансени! Я не желаю, чтобы ты спала с этим чурбаном, который любит только лошадей и в жизни не прочел ни одной философской строчки без риска вывихнуть челюсти от зевоты!

Анжелика. Я думала, он твой друг.

Дидро. Он, может, и мой друг, но никогда не будет любовником моей дочери, а уж тем более отцом моего внука! У меня нет ни малейшего желания качать на коленях маленького Дансени!

Анжелика. Ну а у меня такое желание есть, и этого довольно! (*Решительно встает и направляется к выходу.*)

Дидро догоняет ее. Она мягко высвобождается и поворачивается к нему, готовая противостоять со всей твердостью характера.

Анжелика. Слишком поздно, папа, ты не можешь отказаться от собственных суждений. Ты мне всегда говорил, что я буду строить свою жизнь так, как сама сочту нужным. Я бы хотела, чтобы мы поняли друг друга, ну а нет так нет, тем хуже. Я свободна, и мой выбор сделан.

Дидро. Ну что ты, Анжелика, почему бы тебе не подождать, пока ты не полюбишь мужчину твоих лет, выйдешь за него замуж? Ты ведь еще так молода!

Анжелика. Папа, ты что, шутишь? Я всю жизнь слышу, как ты поносишь брак.

Дидро. Я хочу, чтобы ты вышла замуж. Коль скоро тебе захотелось иметь детей, ты должна выйти замуж. Брак... брак необходим человеческому роду!

Анжелика (*недоверчиво*). Ты что, издеваешься?

Дидро. Вовсе нет. Если тебе приспичило создавать семью, я хочу, чтобы ты вышла замуж.

Анжелика (*с издевкой*). За мужчину?

Дидро. Предпочтительно.

Анжелика (*тем же тоном*). За одного?

Дидро (*в отчаянии*). Ты не можешь выйти замуж за целый полк! (*Обхватывает голову руками.*) Да что же у нее такое в голове, Боже милостивый, что у нее в голове? Кто это тебя так воспитал?

Анжелика (*весело*). Ты сам прекрасно знаешь! (*Пауза; серьезным тоном.*) Я тебя совершенно не понимаю.

Дидро. Анжелика, наш разговор, представь себе, случился очень вовремя. Я как раз пишу статью «Мораль» для «Энциклопедии». И в этой статье я разбираю тему нашего с тобой спора (*Берет лист и зачеркивает все, что написал до этого.*) Я говорил о союзе двух человек.

Она смотрит на него, ожидая продолжения. Он принимается писать, продолжая разговор с дочерью.

Дидро. «С точки зрения индивидуума, брак, очевидно, есть лишь обязательство, лишённое смысла...»

Анжелика...И противное естеству!

Дидро (*ворчливо*). ...и противное естеству, если тебе так хочется... Впрочем, не стоит преувеличивать... (*Спохватывается; назидательно.*) «Однако, с точки зрения общества, брак остается установлением необходимым. Муж и жена не обязаны хранить верность друг другу, но они обязаны хранить верность детям, и наличие детей воспрещает им расстаться друг с другом».

Шум в прихожей.

Анжелика. Что это?

Дидро. Кошка. (*Продолжает.*) «...наличие детей воспрещает родителям расставаться друг с другом».

Анжелика. И это ты пишешь такое? Ты?!

Дидро (*резко*). Разве я бросил твою мать?

Анжелика. Надеюсь, ты остался с мамой не из-за меня. А если только из-за меня, то совершенно напрасно.

Дидро. Я никогда не собирался уходить, во-первых, потому, что я очень люблю твою мать, а во-вторых, и главным образом, из чувства долга! Да, из чувства Долга! Потому что есть ты! Брак — это юридическая гарантия будущности детей. Я был бы всего-навсего мерзавцем, если бы бросил мать моего ребенка.

Анжелика. О!

Дидро (*тоном, не терпящим возражений*). Существования ребенка достаточно, чтобы сделать священной и оправданной нерасторжимость брака. Муж и жена обречены терпеть друг друга, если они стали отцом и матерью.

Анжелика. Да, я понимаю... *(Размышляет в поисках ответа.)* Но при этом ты мне всегда внушал, что женщины так же свободны, как мужчины, и вправе располагать своим телом, как пожелают. Значит, если я хочу выносить в своем чреве ребенка, я...

Дидро. У этого ребенка должен быть отец. Отец, который будет его растить, воспитывать и обучать всему, что знает сам.

Анжелика. Да чему же Дансени может научить ребенка? Ты сам говоришь, что он глуп. Нет, я выбрала Дансени из-за его внешних данных, а со всем остальным я отлично справлюсь сама. А если через несколько лет окажется, что я...

Дидро. «Я, я, я...» Что это значит? Неужели перед тобой существующий миропорядок должен отступить? Неужели ради тебя следует упразднить законы, управляющие мужчинами и женщинами? «Я»!... Твое «я» застит тебе глаза, ты уже ничего вокруг не видишь. Ребенку необходимы оба родителя, ему нужно и женское, и мужское воспитание.

Анжелика. Что ж, мужское воспитание он получит от своего деда!

Дидро. Но я не желаю быть ему дедом!

Анжелика. Ты будешь ему отцом. Я тебя знаю: ты растаешь при первой же его улыбке.

Дидро *(в панике)*. Но у меня никогда не было сына!

Анжелика. Ты будешь лучшим отцом на свете, я уверена.

Дидро. Да погляди же на меня, Анжелика! Ты забываешь, что я старею. Одной ногой я уже в могиле, и другая, тоже теряет опору.

Анжелика. Ты вспоминаешь о своем возрасте только для того, чтобы оправдать свою лень. То же самое ты говорил маме, когда она попросила тебя передвинуть клавесин. Я хочу, чтобы мой сын...

Дидро. «Я»! «Мой»! Прекрати ставить себя в начало, в центр и в конец своих фраз. У этого ребенка должна быть семья, даже если ты не хочешь пока ею обзаводиться. Интересы вида должны возобладать над интересами индивида. Забудь на мгновение точку, которую ты занимаешь в пространстве и во времени, подумай о грядущих веках, о самых отдаленных регионах и о народах, которым предстоит еще родиться, подумай о роде человеческом, о нашем виде. Если бы наши предки ничего не сделали для нас и если мы ничего не сделаем для наших потомков, стремление природы к совершенствованию человека окажется практически тщетным. После нас хоть потоп! Эта поговорка придумана мелочными душонками на потребу себялюбцам. Самой презренной и ничтожной оказалась бы нация, где каждый взял бы себе эту поговорку за жизненный принцип! «Я, я»! Индивидуум смертен, но род человеческий — бесконечен. Вот что оправдывает жертву, вот что оправдывает человека, который соглашается на добровольное всеожжение собственного «я», закланного на алтарях потомства.

Дидро умолкает. Он наблюдает за впечатлением, которое этот монолог произвел на его дочь.

Анжелика. Ты меня не убедил.

Дидро. Анжелика, ты меня просто не слушала. Мне всегда удавалось всех убедить.

Анжелика. А вот меня — нет.

Дидро. Поклянись, что поразмыслишь над всем этим.

Анжелика. Клянусь.

Снова шум в прихожей.

Анжелика. Что это? Дидро. Кошка.

Анжелика. Занятно: вокруг тебя даже кошки теряют равновесие. *(Встает и направляется к выходу.)* Дидро. Куда ты?

Анжелика. Повидать Дансени, это поможет мне поразмыслить. *(Уходит.)*

Сцена четырнадцатая

Г-жа Тербуш, Дидро.

Дидро открывает дверь г-же Тербуш, которая входит, запыхавшись и с картиной в руках.

Г-жа Тербуш. Тяжелый денек.

Дидро. Да уж!

Г-жа Тербуш (*закрывая за собой дверь прихожей*). Скажите, вы сейчас были искренни, только что, с вашей дочерью?

Дидро. Да. (*Бросается к своему листку и начинает выводить.*) Я даже запишу это немедленно. «Энциклопедия» должна помогать отцам.

Г-жа Тербуш. Поразительно. (*Пауза. Он пишет; она на него смотрит.*) Как можете вы одновременно отстаивать право на индивидуальное наслаждение и утверждать, что индивидуум обязан отказаться от наслаждения в интересах вида?

Дидро (*неискренне*). Разве здесь есть противоречие?

Г-жа Тербуш. Похоже на то.

Дидро (*та же игра*). А почему бы, собственно, морали не быть противоречивой?

Г-жа Тербуш. Потому что в этом случае получается не одна мораль, а две. Мораль индивида и мораль вида. И между ними нет ничего общего.

Дидро (*прекращая лицемерить*). Это досадно...

Смотрит на свои листки и начинает со вздохом зачеркивать то, что только что написал. Затем смотрит на г-жу Тербуш. Она ему улыбается. Показывает картину, которую держит в руках.

Г-жа Тербуш. Что это за холодное мясо, рыба, кости?

Дидро. Натюрморт Шардена.

Г-жа Тербуш. Шардена?

Дидро. Это художник, в которого я очень верю.

Г-жа Тербуш (*с сомнением*). Мрачновато. (*При слоняет картину к стулу и подходит к Дидро. Пока он пишет, она массирует ему плечи.*)

Г-жа Тербуш. Вы будете моим вторым философом.

Дидро. Вот как?

Г-жа Тербуш. Я сделала портрет Вольтера.

Дидро. Вольтера? И... только портрет?

Г-жа Тербуш. Нет. Я изучила сюжет вплотную.

Дидро (*заинтересованно*). И что же?

Г-жа Тербуш. Это не любовник, а снеговик. Стоит за него взяться, как он тает в руках.

Смеются. Дидро с явным удовольствием воспринимает весть о неудаче Вольтера. Откладывает перо.

Дидро. О, я не строю иллюзий. Я не оставлю великого имени в истории.

Г-жа Тербуш. Почему?

Дидро. Потому что в постели я проворнее, чем за письменным столом.

Ими вновь овладевает желание. Он оборачивается и целует ее в шею, а затем покрывает поцелуями ее плечи.

Дидро. Я чувствую, что вы опять поможете мне справиться с задачей.

Г-жа Тербуш. Что вы намерены делать? Я о вашей дочери.

Дидро. Дансени к ней не притронется. Он даже не взглянет в ее сторону.

Г-жа Тербуш. Она так прекрасна, что сможет распалить даже семинариста...

Дидро. Только не Дансени.

Г-жа Тербуш. Почему вы так уверены? Говорят, у него есть любовницы.

Дидро. Он сам это говорит. (*Целует ее в ухо.*) На самом же деле он больше интересуется мужчинами.

Г-жа Тербуш. Он?

Дидро. Это настоящий козел. Зато он никому не делает детей, которые остаются без отца.

Г-жа Тербуш. Какая мерзость.

Дидро. Бросьте! Это менее глупо, чем онанизм. Раз уж речь идет о простой похоти, лучше, чтобы удовольствие получили двое, чем один. Человек делится с ближним. Когда Дансени встречается со своим дружкой или дружками, он попросту предается альтруистической мастурбации.

Г-жа Тербуш. Однако!

Дидро. Я не усматриваю ни извращенности, ни порока на индивидуальном уровне, если только нет вреда для здоровья. Преступны лишь те действия, которые причиняют телу страдание. *(Продолжает целовать ее.)* На чем мы остановились?...

Г-жа Тербуш *(отвечая на поцелуи)*. На морали индивидуума.

Они смеются и удобно устраиваются на софе. В дверь яростно стучат.

Сцена пятнадцатая

Баронне, г-жа Тербуш, Дидро.

Баронне, не дожидаясь ответа, входит.

Баронне. Сударь...

Дидро. Баронне, прежде чем войти, следует постучать.

Баронне. Я, сударь, так и сделал.

Дидро. Значит, надо дождаться ответа. Где тебя воспитывали? В притоне?

Баронне. Дело в том, сударь, что мне совершенно необходимо забрать вашу статью. Ее ведь еще должны набрать в типографии.

Дидро резко выпускает из своих объятий г-жу Тербуш и садится за письменный стол.

Дидро. Разумеется. Простите меня, дорогая, мне надо ускорить это дело.

Он берет лист, смотрит на него: там все перечеркнуто. Баронне глядит на Дидро с восхищением.

Баронне. Ах, господин Дидро, для вас нет ничего невозможного! Я был уверен, что вы состряпаете это за несколько минут.

Дидро *(недовольно)*. «Состряпать» — это самое точное выражение. *(Кладет листок обратно на стол.)* Нет, Баронне, подожди еще немного, мне надо подумать.

Баронне *(хочет схватить листок)*. Я уверен, что это великолепно. И потом, вы все равно не успеете добиться совершенства...

Дидро. О, что до совершенства, то мы с ним давно уже живем врозь. Нет, малыш, дай мне еще Десять минут, и я закончу статью.

Баронне. Хорошо, сударь. *(Идет к выходу.)* Так, значит, десять минут?

Дидро. Десять минут... конечно... *(Лихорадочно скребет в затылке.)* Милый друг, могу ли я отнять у вас еще десять минут?

Г-жа Тербуш. Что? Между нами еще ничего не было, а мне уже приходится вас ждать?

Дидро. Прошу вас...

Г-жа Тербуш. Это уже слишком. Ну ладно. Ради философии. Я даже согласна вернуться в прихожую и снова полюбоваться картинами, чтобы не отвлекать вас. Последний раз беру в любовники литератора.

Она выходит. В последний момент прихватывает картину Шардена, которую принесла прежде, и тщательно прикрывает за собой дверь.

Дидро *(про себя, с иронией)*. Десять минут — это более чем достаточно, чтобы справиться с проблемой, которую никто не мог решить на протяжении тысячелетий... Бедняжка Дидро, похоже, сегодня ты влип не на шутку. Ты сделался философом, чтобы задавать себе вопросы, и вот теперь все подряд требуют от тебя ответов. Полная неразбериха! *(Садится за стол, пишет.)*

Сцена шестнадцатая

М-ль Гольбах, Дидро.

Едва он успел написать несколько слов, как м-ль Гольбах, тихонько приоткрыв дверь, заглядывает в комнату. Она смотрит в сторону прихожей, затем решается войти.

М-ль Гольбах. Я вам мешаю?

Дидро. Да. То есть... *(Спохватывается.)* Нет... вы здесь у себя...

М-ль Гольбах. Вы даже не догадываетесь, насколько вы правы: этот павильон — моя бывшая комната для игр. *(Подходит к мольберту.)* Госпожа Тербуш оставила картину незаконченной?

Он пытается писать и не отвечает. Она приподнимает ткань, которой завешен портрет, и смотрит на него с изумлением.

М-ль Гольбах. Это вы?

Дидро. А что, разве не похоже?

М-ль Гольбах. Не знаю, тут нарисовано все, кроме головы.

Дидро догадывается, что представляет собой набросок. Он бежит к мольберту и, изучив собственную анатомию, накидывает снова шаль на портрет. М-ль Гольбах смеется.

М-ль Гольбах. Она рисует с натуры, по памяти или из воображения?

Дидро *(слегка покраснев)*. Послушайте, мадемуазель Гольбах, госпожа Тербуш работает так, как считает нужным, и я тоже. К тому же я должен срочно закончить статью, за которой должны прийти через несколько минут. Мне совершенно необходимо сосредоточиться, потому что мне здесь все время так мешают, что я не сумел пока что написать ни единой толковой строчки.

М-ль Гольбах. А о чем статья?

Дидро. О морали.

М-ль Гольбах. Ну, это легко!

Дидро возводит глаза к небу. Затем набрасывается на свой лист бумаги. Черкает. Девушка выносит суровое суждение.

М-ль Гольбах. Не старайтесь. Если вы, в ваши годы, не способны ответить на такой простой вопрос за полминуты, значит, этот сюжет не для вас. И ничего у вас не получится, хоть за десять минут, хоть за три часа, хоть за полгода.

Дидро. Послушайте, я уже написал три тысячи страниц для «Энциклопедии», и я нахожу вас чуть более категоричной, чем это подобает невежественному существу двадцати лет от роду!

Дидро продолжает писать. В прихожей опять что-то падает.

Дидро *(машинально)*. Что это?

М-ль Гольбах быстро приоткрывает дверь, заглядывает в прихожую и быстро захлопывает дверь снова.

М-ль Гольбах. Ничего, это кошка.

Дидро. Кошка?

Пауза. Он осознает комизм ситуации и беззвучно смеется.

М-ль Гольбах. Я сказала что-нибудь смешное?

Дидро *(пытаясь обуздать свое веселье)*. Нет, нет, просто я подумал, что в конечном счете... жизнь прекрасна.

М-ль Гольбах *(решительно)*. Мне нестерпимо думать, что вы теряете время с госпожой Тербуш.

Дидро *(опомнившись)*. При чем тут это?

М-ль Гольбах. Ни при чем, просто я хотела вам это сказать. Почему это только вам можно выбирать тему для разговора? *(С силой.)* Ненавижу эту госпожу Тербуш, просто не выношу ее прусский выговор!

Дидро заслоняет собою дверь прихожей, словно желая помешать г-же Тербуш слышать этот разговор.

М-ль Гольбах. Она кидается на мужчин, как муха на варенье. Я уверена, что она пыталась затащить вас на эту софу.

Дидро. Допустим, и что дальше? Если нам это нравится...

М-ль Гольбах. И я уверена, что вы думаете, будто это вы сделали первые шаги, хотя это она все подстроила. *(Он не отвечает.)* Берегитесь! Наверняка ей что-нибудь от вас нужно.

Дидро *(решает пренебречь этим замечанием)*. Конечно... Само собой... спасибо за ваши советы.

М-ль Гольбах. Предупреждаю, она вас точно обведет вокруг пальца!

Дидро. Ладно, ладно, малышка, не растрачивайте сокровища вашего красноречия. Я неплохо знаю женщин.

М-ль Гольбах. Вы их вовсе не знаете. В этом, кстати, ваша прелесть. Как только вас видишь, сразу думаешь: «Он такой милый, его наверняка будет легко окрутить!»

Дидро. Помилосердствуйте!...

М-ль Гольбах. Вы не можете ухаживать за госпожой Тербуш, она слишком уродлива!

Сильный шум в прихожей. Очевидно, г-жа Тербуш слушает и выражает свою ярость.

Дидро. Это кошка!

М-ль Гольбах. Конечно! *(Снова за свое.)* Вообще-то, ее следует не столько бранить, сколько жалеть.

Дидро. Почему?

М-ль Гольбах. Возраст. *(Пауза.)* От этого бедствия никуда не денешься.

Дидро. Возраст справедлив, он не щадит никого.

М-ль Гольбах. Ах нет! *(Кокетливо устремляется к нему.)* Время более милосердно к мужчинам. Немного снега в волосах, чуть меньше резкости в чертах лица, больше плавности в жестах, и офорт превращается в акварель, а мне так нравится акварель! А вот женщины... Женщины предназначены для Удовольствия мужчин, и когда мужчина больше не находит в них удовольствия, все для них потеряно. Разве нет?

Дидро предусмотрительно запирает дверь прихожей на ключ. Так он чувствует себя в большей безопасности.

Дидро. Далеко не все лица теряют свою привлекательность.

М-ль Гольбах. Про нее-то этого не скажешь.

Г-жа Тербуш появляется в слуховом окошке и заглядывает в комнату.

М-ль Гольбах. Ее лицо никогда не остается без движения, она его все время принуждает что-то изображать, и правильно делает: если ее лицо хоть на миг остановится, все потускнеет, обвиснет: глаза, щеки, рот. *(Подходит к Дидро, льстивая, чарующая. Дидро, заметив г-жу Тербуш, отводит м-ль Гольбах в ту часть комнаты, где г-жа Тербуш не может их видеть.)* В то время как она суетится и лжет, вы идете к своей истине, голова у вас обнажена, лес морщинок рассказывает вашу историю, длинная борода придаст вашему лицу еще больше значительности; вас никто не сломит, под потемневшей и морщинистой кожей вы сохраните твердые и могучие мускулы.

Г-жа Тербуш исчезает из «бычьего глаза» и вновь шумит.

Дидро. Это кошка скребется!

М-ль Гольбах *(увлечшись)*. У женщин все увядает, дряхлеет. Женщина прекрасна в восемнадцать лет потому, что у нее много плоти и мелкая кость, и по той же причине все пропорции, которые создают красоту, так быстро пропадают...

Дидро. Будет, будет! Вас послушать — можно подумать, что вы никогда нигде не бываете. Разве вы не видели жену Гельвеция?

М-ль Гольбах. Жена Гельвеция пожилая и некрасивая. Просто она хоть и пожилая, но кажется молодой.

Он не может удержаться от смеха.

Дидро. Не очень-то вы милосердны!

М-ль Гольбах. С какой стати мне быть милосердной: мне двадцать лет!

Он опять смеется. Она тоже. Между ними возникает некое веселое сообщничество, смешанное с желанием.

М-ль Гольбах. Ну сколько, сколько ей лет, этой госпоже Тербуш? Сто двадцать?

Дидро (*забавляется*). Сто тридцать. (*Поддаваясь искушению, склоняется к м-ль Гольбах.*) Зачем вы сюда пришли, малышка? Мне совершенно необходимо дописать про мораль.

М-ль Гольбах подходит к нему очень близко и смотрит ему прямо в глаза.

М-ль Гольбах. Только что, когда я тут старалась для Анжелики, я вдруг почувствовала... как бы это сказать?... Такое тепло... такой жар, да, такой сильный жар, который опалил мне грудь... И знаете почему? Потому что я на мгновение представила, что Анжелика — это я, а Дансени — это вы.

Дидро. Ага!

М-ль Гольбах. И мне очень понравилось.

Дидро. Что именно?

М-ль Гольбах. Ответ шевалье Дансени. Ну то есть ваш.

Дидро (*смущен*). Ага... (*Пауза.*) Ну а мне понравился вопрос.

М-ль Гольбах. Какой?

Дидро. Который она задала. То есть вы.

М-ль Гольбах. Ах...

Они на грани поцелуя. В прихожей снова слышен шум. М-ль Гольбах, раздосадованная, бежит к двери, поворачивает ключ и, заглядывая в прихожую, кричит:

М-ль Гольбах. Хватит! Брысь!... (*дверь и приближается к Дидро, вновь обретая все свое очарование.*)

Дидро (*слегка удивлен*). Он... он вас послушался?

М-ль Гольбах. Кто?

Дидро. Кот.

М-ль Гольбах. Меня все слушаются. (*Вновь воспламеняясь.*) Ах, вот сейчас, минуту назад... Я не могу забыть это мгновение... Огонь пожирает меня.

Дидро. Малышка, малышка, не искушайте меня, я не способен к сопротивлению. (*Кладет руку на плечо м-ль Гольбах.*)

Сцена семнадцатая

Г-жа Тербуш, м-ль Гольбах, Дидро.

Г-жа Тербуш распахивает дверь ногой и устремляет обличающий перст на пару.

Г-жа Тербуш. Немедленно оставьте эту девочку.

Дидро (*не зная, что сказать*). Ах, милый друг... милый друг... Вы были там?

Г-жа Тербуш. Да, вместе с котом! Займитесь лучше вашей статьей, а я займусь ею! (*Приближается к м-ль Гольбах.*) Это уже не первый раз ока мне подставляет ножку. Поджигательница!

Дидро. Поджигательница?

Г-жа Тербуш. Да! Она разжигает огонь, который не может погасить. Через минуту, когда вы потеряете голову от желания, она под каким-нибудь предлогом улизнет. Маленькая стерва! Ей доставляет удовольствие создавать дурацкие ситуации!

М-ль Гольбах. Позвольте заметить, что вы находитесь в доме моего отца.

Г-жа Тербуш. Вот именно, и я как раз намерена поговорить с вашим отцом о вас! Комедиантка! Лицемерка! Вы тут бедняге Дидро совсем заморочили голову.

М-ль Гольбах. Ничего подобного. Господин Дидро мне очень даже нравится.

Г-жа Тербуш. Лгунья! Чем это он, интересно знать, вам так нравится?

М-ль Гольбах. Мне нравится с ним разговаривать.

Г-жа Тербуш. Ах вот оно что! Да что вы можете понять из того, что он говорит? Теми крошками, что у вас в голове, даже воробья не накормить! Он мой.

М-ль Гольбах. Нет, мой!

Дидро. Послушайте, все это очень лестно, но я хочу кое-что уточнить: с тех пор как я перестал пачкать пеленки, то есть примерно с двухлетнего возраста, я считаю, что не принадлежу никому.

Г-жа Тербуш. Скажите этой маленькой нахалке, кого вы предпочитаете.

М-ль Гольбах. Да, скажите!

Дидро. По правде говоря...

Г-жа Тербуш. Можете с ней не церемониться, отвечайте!

М-ль Гольбах. Просто смешно: вы цепляетесь за него, как вошь за лысину!

Г-жа Тербуш (*к Дидро*). Выбирайте, иначе я ее тресну.

Дидро. Выбирать, выбирать... Не нравится мне это слово.

Г-жа Тербуш. Можете ограничиться делом. Итак?...

Дидро. Вообще-то, у меня два желания, и...

М-ль Гольбах. Но должно же одно быть сильнее другого?

Дидро. Как это одно может быть сильнее другого, когда они совершенно разные!

М-ль Гольбах. Если вы не можете разобраться с двумя желаниями, разберитесь с двумя женщинами!

Г-жа Тербуш. С двумя женщинами? А где вторая? Я здесь вижу только одну, на которую тявкает маленькая соплячка!

М-ль Гольбах. Я тоже вижу здесь только одну женщину, с которой пытается тягаться высокопарная старуха!

Г-жа Тербуш. Имя, назовите имя!

Дидро (*очень решительно*). Невозможно. С философской точки зрения это невозможно.

Г-жа Тербуш. То есть как?

Дидро (*та же игра*). Из-за Буридановой ослицы!

М-ль Гольбах. Простите?

Дидро (*пытается убедить их и самого себя*). Из-за Буриданова осла. Буридан был монах, он жил в Средневековье. Он доказал, что осел, не имеющий свободной воли, не способен выбирать. Да, да, поймите! Этого осла одинаково томили голод и жажда, причем именно в равной степени. Так вот, Буридан поставил на равном расстоянии от него ведро воды и ведро овса.

Г-жа Тербуш. И что же?

Дидро. Осел так и не смог выбрать между ведром воды и ведром овса. Он издох от голода и жажды между двумя ведрами. Ему не доставало свободы воли.

Г-жа Тербуш. Вот уж действительно осел!

М-ль Гольбах. Но вы-то — человек!

Дидро. Это нуждается в доказательстве. Я тоже несвободен,

М-ль Гольбах. В первый раз в жизни меня сравнивают с ведром овса.

Г-жа Тербуш (*поправляя девушку*). Нет, с ведром воды, в воде еще меньше вкуса, так что вам это подходит больше. Господин Дидро, довольно этих теологических ухищрений, выбирайте.

М-ль Гольбах. Да, выбирайте.

Г-жа Тербуш. Надо отделаться от этой ломаки.

М-ль Гольбах. Старая прилипала!

Дидро, внезапно взрываясь, орет.

Дидро. Хватит!

Обе женщины в легком изумлении.

Г-жа Тербуш. Что?

Дидро (*громко и четко*). Я сказал: хватит!

Короткая пауза.

М-ль Гольбах (*г-же Тербуш*). Что значит «хватит»?

Г-жа Тербуш (*к м-ль Гольбах*). Вам тоже послышалось, что он сказал «хватит»?

М-ль Гольбах. Да, он сказал «хватит», и мне это не послышалось!

Дидро. Хватит! Прекратите эту атаку! Я не безделушка, с которой балуются в будуаре. Мир! Я больше не играю! Вы все сегодня, с самого утра, выпятив груди, оголив плечи, волосы дыбом, с горящим глазом, словно сговорились довести до белого каления бедного человека, который мечтает лишь о покое, о мире, мечтает сосредоточиться, наконец!

Г-жа Тербуш. Это уж чересчур!

Дидро. Не играю! Я вас сейчас помирю: да, я слегка увлекся вами; да, обеими, но, если честно, это совершенно неважно, потому что на самом деле я люблю другую!

Г-жа Тербуш. Вот оно что!

Дидро. Да! всю мою жизнь я остаюсь верен лишь одной возлюбленной: Философии.

М-ль Гольбах. Вот это мило! А мы, стало быть, на второстепенных ролях, — после вашей работы?

Дидро. Совершенно верно. Вы всего лишь женщины.

Г-жа Тербуш. Да что же он такое говорит!

Дидро. Не играю! Мне надо закончить эту статью для «Энциклопедии». В данный момент все остальное не имеет никакого значения, вы меня слышите: ни-ка-ко-го! (*Само величие.*) Будущность Просвещения поставлена на карту! Пусть плоть отдохнет! И поразмыслит! Дорогу разуму!

Г-жа Тербуш. Я не желаю, чтобы...

Дидро (*в апофеозе*). Прочь!

М-ль Гольбах. Но вы же не дадите ей...

Дидро (*ужасен*). Прочь! Я распыляюсь. Я растрчиваю себя на пустяки. Для вас у меня больше времени нет. Меня ждет «Энциклопедия». (*Решительно берет обеих под руки и ведет к двери.*) Сударыни, увидимся позже. Мы возобновим нашу дискуссию, когда я покончу с моралью.

Г-жа Тербуш. Но я...

Дидро. Тихо! (*Та же игра с м-ль Гольбах, предвосхищая ее реакцию.*) Тихо! Долг прежде всего, и он не ждет. (*Выпроваживает их за дверь, не удивляясь столь незначительному сопротивлению.*)

Сцена восемнадцатая

Дидро один.

Вздыхает с немислимым облегчением.

Дидро (*счастлив*). Я жертва! (*Фатовато смотрится в зеркальце, явно довольный собою*). Жертва любовных эксцессов! Чувственного шантажа! Жертва пола! (*Снова глядится в зеркальце, затем спохватывается*). Я распыляюсь, распыляюсь. (*Со сладостным лицемерием*). Что за ужасный день! (*Улыбается своему отражению*). Однако какое благородное самоотречение! (*Вновь берется за свою статью; делает гримасу и говорит, на сей раз более искренне*). Чертова статья! Проклятый Руссо! (*Мечтательно*). Да, малышка Гольбах — это вам не моя дочь, просто ничего общего... А Тербуш какова!... (*Вздыхает*). Мне никогда не везло: вечно мне доставались сандалии зимой и зонт в безоблачную погоду! (*Решительно склоняется над статьей и безнадежно вздыхает*). Иной раз мне хочется быть не собой, а каким-нибудь Руссо, Гельвецием, Вольтером, — в общем, человеком с крепкой головой, с устоявшимися идеями, правильными, четко изложенными, которые заключают в формулы, затем в книги; идеи, которые остаются потомству,

застревают в голове, отливаются в бронзе... А я меняю точку зрения, стоит женщине войти в комнату, способен перейти с гавота на менуэт в самый разгар танца, идеи проносятся у меня в голове, сталкиваются — и ничего не остается. Я просыпаюсь «за», засыпаю — «против». Гнусные молекулы... Ладно, теперь — мораль, что там с моралью...

Сцена девятнадцатая

Анжелика, Дидро.

Анжелика влетает вихрем, вся в слезах, и бросается в объятия отца.

Анжелика. Ах, папа, ты был прав! Тысячу раз прав! Я только что видела шевалье Дансени. Он отвратителен: у него недостает одного зуба!

Дидро. Что ж, тем лучше!

Анжелика. И он такой волосатый, просто ужасно...

Дидро. Он? Я как-то видел его без парика, он лыс, как колено.

Анжелика. Похоже, все, что могло расти на голове, сейчас торчит у него из ушей.

Дидро. Вот как? (*Машинально оцупывает собственные уши.*)

Анжелика. Папа, у меня открылись глаза, и я увидела его таким, каков он есть. Я осознала ошибку, которую собиралась совершить. Ты был прав: моя связь с Дансени была бы совершенно нелепой: он слишком стар.

Дидро. Дансени? Мы с ним ровесники.

Анжелика. Ты представляешь? Он твой ровесник! И внезапно я вспомнила все, что ты говорил мне о сохранении вида, о необходимости думать о благе детей. Я не могу иметь ребенка от такого пожилого мужчины: он может родиться слабеньким или с каким-нибудь дефектом. В таком возрасте соки организма уже наверняка подпорчены, сперма нездорова, и у нас может получиться урод.

Дидро опускает голову, подавленный ее словами.

Дидро. Раз ты так считаешь...

Анжелика (*садится к нему на колени*). Папа, во имя сохранения вида обещаю тебе не спать с Дансени.

Дидро (*бесцветно*). Вот и хорошо.

Анжелика смотрит на него.

Анжелика. Ты как будто не рад.

Дидро (*с грустной иронией*). Еще как рад. Счастлив до беспамятства. У меня сегодня замечательный день.

Сцена двадцатая

Баронне, Анжелика, Дидро.

Баронне, по своему обыкновению, врывается как ураган.

Дидро. Послушай, Баронне, это давление становится невыносимым: не смей произносить при мне слово «мораль»! Я запрещаю тебе требовать у меня эту статью!

Баронне. Сударь, я совсем не за этим!

Дидро. Вот как? А за чем же?

Баронне. Я просто не понимаю, почему вы в итоге поручили свою коллекцию картин госпоже Тербуш.

Дидро (*пожимая плечами*). О чем это ты?

Баронне. Вы мне поклялись, что это я отвезу их в Санкт-Петербург. Я мечтал увидеть Россию.

Дидро. Что ты тут несешь? Я ничего не поручал госпоже Тербуш, мы с нею в ссоре.
Баронне. Он с мадемуазель Гольбах во дворе загрузили полную коляску ваших картин.
Дидро. Ты что, смеешься? Картины здесь, в этой прихожей!
Охваченный сомнением, Дидро бежит в прихожую; слышен его крик.
Голос Дидро. Боже правый! *(Еще громче.)* Боже правый, Боже правый, Боже правый!
Анжелика *(очень спокойно, к Баронне)*. Забавно звучит в устах атеиста.
Голос Дидро. Боже правый, Боже правый, Боже правый! *(Возвращается, вне себя, с маленькой картиной в руках.)* Только одна и осталась! Шарден! Она все утащила. Выставила их в окно, пока я тут... с маленькой Гольбах... ну, в общем... Боже правый!
Баронне. Как мне быть со статьей?
Однако Дидро уже умчался догонять свои картины.

Сцена двадцать первая

Баронне, Анжелика.

Анжелика. У меня такое ощущение, что папу опять околпачили.

Баронне. Господин Дидро так доверчив.

Анжелика. И наивен. Сколько лет я уже пытаюсь раскрыть ему глаза, и все без толку! Это так тяжело — учить уму-разуму собственных родителей.

Баронне. Правда?

Анжелика. Конечно. И чем они умнее, тем это труднее: им ничего не вдоблещь!

Сцена двадцать вторая

Дидро, г-жа Тербуш, м-ль Гольбах, Анжелика, Баронне.

Дидро возвращается, подталкивая г-жу Тербуш, пойманную с поличным.

Г-жа Тербуш. Пустите меня, грубиян! Пустите!

Дидро. Воровка!

Г-жа Тербуш. Оскорбляйте меня сколько угодно, только уберите руки!

Дидро. Я уберу руки только тогда, когда здесь будет полиция!

М-ль Гольбах *(бросаясь на выручку г-же Тербуш)*. Да отпустите же ее наконец!

Дидро. Глупышка, вы даже не понимаете, что делаете, когда пытаетесь ей помочь. Она меня обокрала! Вы даже не представляете, как вы были правы, убеждая меня не доверять этой женщине! Это просто мерзавка, самая настоящая мерзавка.

М-ль Гольбах. Я запрещаю вам говорить о ней в таком тоне!

Дидро. Она сделала вас сообщницей своего воровства! Да знаете ли вы, что эти картины принадлежат российской императрице Екатерине Второй?

М-ль Гольбах. Если бы вы нас не застучали, через полчаса они бы принадлежали нам.

Дидро *(в растерянности)*. Кажется, мне снится какой-то кошмар.

Г-же Тербуш удается высвободиться; она потирает свое запястье и властно обращается к присутствующим.

Г-жа Тербуш. А теперь оставьте нас с ним наедине. Нам нужно серьезно поговорить.

М-ль Гольбах. Я останусь с вами.

Г-жа Тербуш. Не бойся, миленькая, все уладится. Тебе надо отдохнуть.

М-ль Гольбах. Я боюсь, что он опять будет с вами груб.

Г-жа Тербуш. Нет, нет, моя девочка, не беспокойся.

Дидро *(изумленно)*. «Моя девочка»... Нет, я точно сплю.

Анжелика мягко, но решительно берет за руку м-ль Гольбах, одновременно делая

Баронне знак следовать за нею.

Анжелика. Пойдем. Им надо поговорить. Баронне. Я пока соберу картины, господин Дидро.

Трое молодых людей уходят, оставляя наедине Дидро и г-жу Тербуш, которые меряют друг друга взглядом, как два зверя перед схваткой.

Сцена двадцать третья

Г-жа Тербуш, Дидро.

Дидро. Так, стало быть, вы — мошенник?

Г-жа Тербуш с некоторой гордостью поднимает голову.

Г-жа Тербуш. Будьте уж так любезны — говорить обо мне в женском роде. Скажите лучше: «мошенница».

Дидро (*мрачен до черноты*). В женском роде правильнее сказать: «дрянь».

Г-жа Тербуш хохочет, она в восторге.

Г-жа Тербуш. Дрянь! Ах, как же это замечательно — прекратить играть! (*Внезапно, очень прямо.*) Шлюха, лгунья, сводня, воровка — вот они, мои настоящие наряды! Я вхожу к людям лишь затем, чтобы потом уйти с их добром, живопись служит мне предлогом, чтобы подобраться к драгоценностям, столовому серебру, шкатулкам — ко всему, что можно унести.

Дидро (*злбно*). Но хоть рисовать-то вы умеете?

Г-жа Тербуш. Я делаю наброски. Мне редко приходится заканчивать картину. Особенно лицо... Люди так увлечены собою, что перспектива позировать для потомства заглушает в них всякую осторожность. Мне удастся обчистить их во время первых же сеансов, и картина остается неоконченной.

Дидро. Почему же никто никогда об этом не говорит?

Г-жа Тербуш. Никто не желает прослыть дураком. К тому же я часто меняю страны.

Дидро. Я всегда испытывал недоверие к людям, которые говорят на нескольких языках.

Г-жа Тербуш. И вы совершенно правы, таким людям наверняка есть что скрывать.

Пауза.

Дидро. А что же маленькая Гольбах?

Г-жа Тербуш. Мне была нужна сообщница. Чтобы отвлекать вас, в то время как я выставляла картины в окно, а потом дать мне предлог уйти. Правда, наша маленькая ссора была неплохо сымпровизирована? (*Смеется.*) Эти юные девицы пребывают в такой горячке от отсутствия мужчины, что из них ничего не стоит сделать союзниц. Достаточно немножко им польстить, подарить им немного внимания, шепнуть на ушко пару пустячков... В несколько дней я стала ей названной матерью в спальне, я пообещала обучить ее искусству быть совершенной женщиной, властвовать над мужчинами. (*Пауза.*) Я даже начала посвящать ее в таинства любви. Дидро (*ошарашен*). Вы?!

Г-жа Тербуш. О, ничего особенного, незначительные ласки, несколько разнообразных поцелуев, география мест, в которых сосредоточено ее наслаждение, — что еще можно успеть за несколько ночей? При этом я, разумеется, говорила с нею о самцах. Она настолько экзальтирована, что, кажется, даже не сообразила, чем это я с ней занимаюсь.

Дидро. Вам, что же, по вкусу юные девушки? Г-жа Тербуш. Нет, мне была нужна сообщница.

Дидро. Вы извращенка.

Г-жа Тербуш. Я добиваюсь того, что мне надо. (*Пауза.*) Я с ней неплохо позабавилась. Я гадала ей по руке и предсказала, что ей суждено узнать любовь только с обрезанным мужчиной. Дидро. С обрезанным?

Г-жа Тербуш (*со смехом*). Да. И она мне поверила. Теперь ей придется ждать турка или

еврея.

Дидро. Это жестоко. Барон Гольбах не якшается с турками и, по причинам довольно нелепым, избегает евреев.

Г-жа Тербуш. Так я и полагала. Мое предсказание будет горячить малышку еще довольно долго.

Дидро. Вам нравится причинять зло!

Г-жа Тербуш (*просто*). Очень.

Дидро. А мне это не нравится.

Г-жа Тербуш. Особенно — мужчинам.

Дидро подходит к ней, слегка рассерженный.

Дидро. Вы смеялись надо мною целый день. Вы вовсе не собирались писать мой портрет, вы украли у меня картины, вы подослали ко мне эту девчонку, чтобы орудовать без помех, и, естественно, ни вы, ни она всерьез не помышляли о том, чтобы провести со мною несколько приятных минут.

Г-жа Тербуш. Почему знать? Превосходство женщины над мужчиной в том, что никогда нельзя знать, хочет ли она (*Мерят друг друга взглядом.*) Женщины выше мужчин, они загадочней, они в меньшей степени животные. Наше тело предрасположено к тайне.

Дидро. Скажите лучше: ко лжи! Когда вы только что млели в моих объятиях, вы не были искренни!

Г-жа Тербуш. А вы были искренни?

Дидро. Разумеется!

Г-жа Тербуш. А с малышкой Гольбах?

Дидро. Тоже.

Г-жа Тербуш (*с иронией*). Ваша искренность просто неисчерпаема.

Дидро. Она у меня не одна, их много, и они не всегда совпадают друг с другом, вот и все! Но я никогда не играю людьми!

Г-жа Тербуш хохочет. Пауза.

Г-жа Тербуш (*весело*). Я сейчас плутовала... вполне искренне.

Дидро (*в ярости*). Ах, бросьте!

Г-жа Тербуш (*мягче*). Нет, правда. Мне в самом деле хотелось.

Дидро (*удивленно, с некоторым облегчением*). Честно?

Г-жа Тербуш (*живо*). Честно. Мне хотелось довести вас до изнеможения, истощить вас в наслаждении, оглушить, погрузить вас в сон, — короче, мне хотелось, чтобы вы умерли в моих объятиях.

Дидро. Вы сумасшедшая!

Г-жа Тербуш. Отношения полов — это война. Утром, перед зеркалом, я взбиваю прическу, румянюсь, крашусь, кокетничаю: я готовлюсь к штурму; гребни, парики, пудра, мушки, румяна — все это служит мне оружием; я завязываю шнурки корсажа, оставляя грудь открытой, надеваю прозрачные чулки и кружевное белье, как солдат натягивает свой мундир, и иду в атаку. Я должна нравиться. Этого вам, мужчинам, не понять... Для вас нравиться — это лишь приступочка, чтобы поудобнее забраться в постель, лишь средство добиться своего. Для нас, женщин, нравиться — это уже цель, это победа сама по себе. Привлечь, соблазнить... я хочу, чтобы власть моя была безраздельной, я хочу властвовать над всеми мужчинами, не давать им передышки ни на мгновение, соблазнять, соблазнять до полного утоления жажды, соблазнять уже безо всякой жажды... Я возбуждаю в них желание, и они теснятся вокруг меня, полагая, что просят нечто такое, в чем я могу им отказать. И когда им кажется, что они добились своего, прижимая меня к себе, обнаженную, — вот тут-то я и довершаю свою победу. Я внушаю ему, мужчине, что я — его вещь, что я ему принадлежу, что я отдаю ему свое тело, как трофей, но на самом деле я лишь довожу его до изнеможения... Хорош победитель, нечего сказать, засыпающий в моих объятиях с колотящимся сердцем и замызганным хвостом, опавшим после своего жалкого наслаждения! Нет, мое наслаждение в другом, оно здесь, всемогущее, долгое, при виде этого большого

обессиленного тела, счастливого и изнуренного, которое не понимает ничего, которое сейчас целиком и полностью в моей власти! Вы сильны, у вас есть власть? Как же, как же! Я превращаю все это в прах, я возвращаю вас на исходную точку, назад, передо мною вы остаетесь нагими, обессиленными, беззащитными, словно новорожденные, — этакие толстозадые младенцы, затерянные между женских ляжек! Мое сладострастие в том, что я могла бы пойти еще дальше: я лишила мужчину его силы, его спермы, я могла бы его убить — достаточно лишь сильнее сжать пальцами его горло... или провести лезвием по жилке, которая бьется... Да, убить здесь, сейчас, когда он этого вовсе не ждет. Видите, мой друг, какова бывает любовь: на волосок от смерти, и счастье — перерезать этот волосок. Вас не взять силой, господа, — что ж, тогда вам лгут. Вам лгут, испуская вопли наслаждения, вам лгут, притворяясь, что принимают ваше желание, тогда как на самом деле считают за честь вызвать его у вас. Вы считаете себя господами, но господин становится рабом своей рабы. Я не знаю другого наслаждения, кроме как лгать, притворяться, хитрить, предавать. Да, лгать, лгать постоянно, избегая вашей власти при помощи уловок и хитрости, — вот все, чего желает женщина достойная, умная, которой нечего стыдиться; вот прекрасная участь женщины — стать истинной дрянью, великой, дрянью во славе, которая подавляет мужчин своим могуществом и заставляет их искупать это проклятие — родиться женщиной!

Дидро. Вам, должно быть, пришлось когда-то пережить сильное унижение?

Глаза г-жи Тербуш сверкают черной ненавистью; она в ярости оттого, что ее так хорошо поняли.

Г-жа Тербуш. Вы либо охотник, либо добыча, такова альтернатива, и так устроен мир. *(Пауза. Она внимательно смотрит на Дидро.)* По поводу картин: вы, разумеется, донесете полиции?

Дидро *(с блистающим взглядом.)* Я им ничего не скажу.

Г-жа Тербуш. Значит, вы прощаете?

Дидро. Я не прощаю, я отказываюсь карать. Что сделано, то сделано. *(Пауза. Он смотрит на нее с интересом.)* Мне страшно.

Г-жа Тербуш. Страшно?

Дидро. Я боюсь.

Г-жа Тербуш. Чего же это?

Дидро. Соблазна красивого преступления. *(Пауза; он не сводит с нее глаз; затем говорит, словно пытаясь ее зачаровать... или словно сам зачарован.)* Мир — это вшивый тюфяк, моя дорогая, гнилая хибара, пена, бурление молекул, которые сталкиваются и соединяются единственно волею случая, нелепая горячка, в которой все толкаются, опрокидывают друг друга и где все держится лишь благодаря постоянному нарушению равновесия. И вдруг посреди этого жизнеродного гниения возникает некая форма, нечто организованное и имеющее смысл. Красивое лицо, красивое тело, красивая статуя, красивая фраза... Возможно, красивая жизнь. *(Пауза.)* А возможно, красивое преступление. *(Пауза.)* Глядя на вас, я сознаю, что с моей стороны просто безумие — искать Добра, пытаться облечь его в красивые фразы: это всего лишь лицемерие. Мне глубоко плевать на Добро, я люблю только красоту. *(Пауза. Он разглядывает ее, слоено лакомство.)* И как же зло красиво нынче вечером!

Г-жа Тербуш *(в смятении и сердясь на себя за это смятение)*. Замолчите. Я привыкла к комплиментам попроще.

Дидро *(на одном дыхании.)* Жаль, что мы не встретились раньше. Какой ум!

Г-жа Тербуш *(снижая тон)*. Ум, нацеленный на зло.

Дидро. Просто — ум. *(Восхищенно.)* Зло тоже зрелищно, у него свои жесты, своя роскошь, свое воображение, своя чрезмерность, свое великолепие. Нерон был артистом, когда наслаждался зрелищем Рима, пожираемого пламенем.

Г-жа Тербуш. Бросьте, я всего лишь мошенница.

Дидро. И тем самым вы — артист. *(Пауза. Еще более чарующе, тесня ее все дальше.)* Я боюсь. Не вас. Того, что я к вам испытываю. У вас когда-нибудь кружилась голова от

высоты? Вызывает страх не пустота, нет, мы боимся притяжения этой пустоты, боимся внезапного желания прыгнуть. Головокружение над бездной есть соблазн высший и окончательный.

Г-жа Тербуш (*пытаясь не поддаваться своему смятению*). Не говорите со мною так. Вы должны быть сердиты на меня. Я морочила вас целый день, я сделала вас рогоносцем, дважды, даже трижды рогоносцем.

Дидро (*приближаясь к ней*). Жизнь наставляет нас рога с первого дня. Разве мы отказываемся жить?

Г-жа Тербуш (*поспешно*). Я уезжаю.

Дидро. Зачем? Я ведь забрал картины обратно.

Г-жа Тербуш. Я снова их украду. (*Надевает свой дорожный плащ.*)

Дидро. Нет.

Г-жа Тербуш. Мне надо уехать.

Дидро. Вы хотите не уехать, а бежать!

Г-жа Тербуш. Вы меня больше не увидите, я покидаю Гранваль, покидаю Францию.

Сцена двадцать четвертая

М-ль Гольбах, г-жа Тербуш, Дидро.

М-ль Гольбах открывает дверь и мешает г-же Тербуш пройти.

М-ль Гольбах. Нет, я еду с вами.

Г-жа Тербуш. Малышка моя, у меня нет средств брать на себя такую обузу.

М-ль Гольбах. У меня есть деньги... (*Поправляясь.*) У отца есть деньги, я их возьму.

Г-жа Тербуш. Деньги меня интересуют лишь в том случае, когда я беру их сама. Ты не поняла, моя девочка, что меня занимает не добыча, а само воровство.

М-ль Гольбах. Я поеду с вами. Мы будем так счастливы...

Г-жа Тербуш. Я могу быть счастлива только за счет других. Пропусти меня.

М-ль Гольбах (*отстраняясь*). Так я вам не нужна?

Г-жа Тербуш. Абсолютно. Прощай.

Оглушенная, м-ль Гольбах падает в кресло.

Г-жа Тербуш. Побереги слезы. Если хочешь поскорее оправиться... (*Указывает на Дидро.*) Заставь их страдать. Только это и утешает.

Г-жа Тербуш выходит. Дидро нагоняет ее в последний момент.

Дидро. Еще одна просьба: ответьте на вопрос, который мы сегодня обсуждали.

Г-жа Тербуш. Зачем вам это?

Дидро. У меня есть ощущение, что на сей раз вы мне скажете правду.

Г-жа Тербуш. Конечно. Ведь мне больше незачем вам нравиться.

Дидро (*смущенно*). Относительно мужчин и женщин... (*Решаясь.*) Во время любви... кто испытывает большее наслаждение?

Г-жа Тербуш (*не задумываясь*). Когда вы чешете себе мизинцем ухо, кто испытывает большее удовольствие? Мизинец или ухо?

Дидро (*без колебаний*). Разумеется, ухо.

Г-жа Тербуш. Вот вам и ответ. Прощайте.

Она уходит в сумерки парка. Поколебавшись несколько мгновений, м-ль Гольбах бежит за нею.

М-ль Гольбах. Анна!... Анна!...

Сцена двадцать пятая

Баронне, Дидро.

Баронне прерывает задумчивость Дидро.

Баронне. Ну вот, сударь, я сложил картины в библиотеке барона. Теперь мне надо отвезти вашу статью в набор.

Дидро. Дело в том...

Дидро смотрит на исписанную страницу. Баронне хватает ее читает и удивляется.

Баронне. Вы тут все перечеркали! Дидро. Угу.

Баронне. Но, в конце концов, есть же у вас какая-то философия?

Дидро. Если бы она у меня была только одна... Баронне. Что же мы будем делать?

Дидро садится и размышляет.

Дидро. Скажи-ка, что мы поместили для статьи «Этика» в плане следующих томов?

Баронне. «Этика»? *(Отыскивает.)* Мы поместили: «Смотри „Мораль“».

Дидро. Отлично! Вот что ты поместишь в разделе «Мораль». Бери перо, я продиктую.

Баронне поспешно садится и берется за перо.

Баронне. Итак?...

Дидро. Ты готов?

Баронне *(восторженно)*. Да, да, да!

Дидро. Так вот, пиши: «Мораль» — смотри «Этика».

Баронне *(откладывая перо)*. Но ведь...

Дидро. Без рассуждений!

Баронне. Но ведь это же жульничество!

Дидро. Что, мораль? Безусловно. И отсутствие морали — тоже.

Баронне. Но наши читатели будут метаться между пятым и восьмым томами — и ничего не найдут!

Дидро *(с легкостью)*. Тем лучше, это заставит их пошевелить мозгами.

Пауза. Дидро все-таки смущен. Баронне честно признается:

Баронне. Сударь, я разочарован.

Дидро *(искренне)*. Я тоже, мой юный Баронне.

Баронне. Неужели так устроена жизнь?

Дидро *(мягко)*. Не жизнь, нет. Философия.

Баронне. Я думал, философ — это тот, кто высказывает свои идеи.

Дидро. Совершенно верно. Но при этом у философа столько разных идей...

Баронне. Но философ должен остановиться на одной из них и верить в нее.

Дидро. Нет, так делает не философ, а дурак. *(Пауза.)* Дурак говорит не то, что он думает, а то, что хочет думать. Он вещает.

Баронне вздыхает. Дидро смотрит на него с нежностью.

Дидро *(с грустью)*. Ты такой же, как все молодые люди: ты ждешь большой любви и истинной философии. В единственном числе. И только в единственном. Вот она, беда молодости: единственное число. Вы убеждены, что на свете есть только одна женщина и только одна мораль. Ах, сколько же зла может причинить всем нам страсть к простым идеям! Однажды, мой маленький Баронне, ты заставишь себя любить лишь одну девушку, жить лишь для нее, жить лишь ею одною, даже тогда, когда она будет уже не она, а ты будешь уже не ты. Вы погрязнете в первом и самом ужасном недоразумении: недоразумении большой любви! К тому же, поскольку у тебя слишком живой ум, ты хочешь уже завести роман и с философией, единственной, которая даст тебе ответы на все вопросы: второе недоразумение. *(Треплет Баронне по плечу.)* Но на свете нет ни единственной женщины, ни единственной философии. И если ты устроен нормально, тебе придется порхать. Как разрешить неразрешимое? Превратить свои гипотезы в уверенность, — экое самомнение! Отбросить все идеи ради одной! Именно отсюда и происходит любой фанатизм! Будь легче, Баронне. Позволь своему разуму пораспутничать как ему хочется. Засыпай с одной, просыпайся с другой — я имею в виду идеи, — покидай одну ради другой, ухаживай за всеми, не

привязываясь ни к одной. Мысли — это женщины, Баронне, ими дышат, за ними бегают, от них хмелеют, а затем желание вдруг делает зигзаг, и мы отправляемся искать в другую сторону. Философия — это случайная связь, ее ни в коем случае нельзя принимать за большую любовь. Что такое философская академия? Это большой бордель, где шлюхи подобраны и одобрены своднями, профессорами, престарелыми господами в очках и без зубов. Побольше легкости, дружок Баронне, мысль должна быть не тяжелее пера. Разве мужчина когда-нибудь обладает женщиной? Разве человек когда-нибудь владеет истиной? Иллюзии, заблуждения... Понимают ли когда-нибудь друг друга мужчины и женщины? Совпадают ли их желания? Совпадает ли то, что жаждет получить один, с тем, что хочет ему дать другой? Солнце и луна движутся по одному небосводу, они, бывает, сближаются, но никогда не соприкасаются, никогда не сливаются друг с другом. Никогда не доверяй никому, даже самому себе. *(Выпроваживает Баронне за дверь.)*

Покуда длилась эта сцена, наступила ночь.

Сцена двадцать шестая

М-ль Гольбах, Дидро.

М-ль Гольбах входит медленно, при последних словах Дидро. Грустная, слегка растрепанная, она садится в уголке, в позе одинокого ребенка, как это бывало, вероятно, прежде, когда она играла в этой комнате. Дидро подходит к ней с любезным видом.

Дидро. Вам грустно?

М-ль Гольбах. Я здесь совсем одна, никому до меня нет дела. Отец предается размышлениям, мама — любви, все, кто мог быть мне любовником, уже разобраны, я скучаю. Хорошо, хоть госпожа Тербуш заинтересовалась мною.

Дидро *(подходя к ней)*. Я хочу, чтобы вы вычеркнули этот эпизод из вашей памяти.

М-ль Гольбах. Нет, не приближайтесь. Я никогда не смогу выносить человека, который владеет моей тайной. Это оскорбительно. Это унижительно. Я больше не смогу смотреть вам в глаза.

Он смотрит на нее с нежностью, затем садится напротив.

Дидро. А если я тоже открою вам свою тайну? Тогда мы будем на равных.

М-ль Гольбах. Да. *(Пауза.)* А почему вы хотите открыть мне свою тайну? Дидро. Из любезности. М-ль Гольбах. Ну да!... Дидро *(прикидываясь рассерженным)*. И вообще, мне это надоело... Думайте что хотите.

М-ль Гольбах, сообразив, что зашла слишком далеко, приближается к нему.

М-ль Гольбах *(ласково)*. Что же это за тайна?

Дидро. Слушайте. Вот уже много лет, как я скрываю от вашего отца одну вещь, потому что иначе он тотчас же выгнал бы меня из своего дома: я... я — еврей!

М-ль Гольбах *(с расширившимися от любопытства глазами)*. Вы — еврей?

Дидро *(глядя в сторону)*. Я еврей.

М-ль Гольбах. Еврей! Так, значит, вы обрезанный?

Дидро. Еще как.

М-ль Гольбах *(с некоторым колебанием)*. Но ведь Дидро совсем не еврейская фамилия.

Дидро. Я еврей по матери, а не по отцу. Это качество передается по женской линии.

М-ль Гольбах. Ах!...

Смотрят друг на друга. М-ль Гольбах решает нарушить молчание.

М-ль Гольбах. Я должна вам признаться: у меня тоже есть тайна.

Дидро. Вот как?

М-ль Гольбах *(колеблется)*. Мне сказали... один человек, который хорошо в этом разбирается... в общем, мне нагадали по линиям руки, что...

Дидро (*очень лицемерно*). Полно, неужели вы верите в такие вещи?
М-ль Гольбах. Конечно. А вы разве нет?
Дидро (*осторожно*). Отчего же, верю... Так что же вам предсказали по этой очаровательной ладошке?
М-ль Гольбах (*очертя голову*). Что меня лишит невинности еврей!
Дидро. Не может быть!
Она приближается к нему и говорит очень настойчиво.
М-ль Гольбах. Честно. (*Похоже, она ожидает реакции. Дидро смотрит на нее с вожделением, но ничего в ответ не делает.*) Так что же?
Дидро. Вы думаете, это должен быть я?
М-ль Гольбах. Кроме вас, у меня нет ни одного еврея под рукой.
Дидро. Лучшего предложения просто не получить. (*Раскрывая ей объятия.*) Идите ко мне.
Она прижимается к нему. Он начинает ее ласкать, но чувствует, что он колеблется. Она с интересом позволяет ему действовать.
М-ль Гольбах. Вы находите меня привлекательной?
Дидро. Нахожу.
М-ль Гольбах. А госпожу Тербуш?
Дидро. Это совсем другое.
М-ль Гольбах. Вы спали с нею?
Дидро. Нет. (*Внезапно.*) И жалею об этом.
М-ль Гольбах. Почему?
Дидро. Я люблю ум. (*Продолжает ласкать ее, но ясно, что его последние слова вызывают у нее еще большие колебания. Вдруг он мягко, ласково, но очень решительно отстраняет ее.*) Нет.
М-ль Гольбах. Что такое?
Дидро. Завтра я буду плакать.
М-ль Гольбах. Почему?
Дидро. Я всегда плачу, когда бываю не в ладу с самим собой.
М-ль Гольбах. Да что же происходит?
Дидро отходит к мольберту и снимает с него покрывало. Затем он берет холст и показывает девушке.
Дидро. Смотрите. Это я — сегодня после обеда. Да, да... Смотрите внимательно.
М-ль Гольбах, не очень понимая, разглядывает полотно. Внезапно вскрикивает.
М-ль Гольбах. Вы вовсе не еврей!
Дидро скорбно разводит руками. М-ль Гольбах в ярости бросается на него, пытаясь ударить.

Сцена двадцать седьмая

Г-жа Тербуш, м-ль Гольбах, Дидро.

Г-жа Тербуш, в дорожном плаще, появляется в дверях. Она с улыбкой останавливает м-ль Гольбах.

Г-жа Тербуш. Не сердись на него, он всего лишь мужчина и делает, что может.

Дидро (*с широкой радостной улыбкой*). Ах... наконец!

М-ль Гольбах. Вы вернулись!

Г-жа Тербуш. Мне не дает покоя одна мысль. (*Она улыбается Дидро, затем склоняется к м-ль Гольбах.*) Девочка моя, я совершенно уверена, что он пытался тебя обмануть. Он наверняка утверждал, что он турок, верно?

М-ль Гольбах. Еврей.

Г-жа Тербуш. Ах вот как!

М-ль Гольбах. Откуда вы знаете?

Г-жа Тербуш. У него сегодня был тяжелый день. Сердечко мое, я думаю, тебе лучше вернуться в замок, отец уже возвратился из Шеневьера и повсюду ищет тебя. Ступай.

М-ль Гольбах (*глядя на Дидро с презрением*). Да уж, мне тут больше нечего делать! (*Г-же Тербуш.*) Значит, вы еще побудете у нас немножко?

Г-жа Тербуш (*бросая искоса взгляд на Дидро*). Немножко.

М-ль Гольбах. Вот и чудесно.

Г-жа Тербуш (*мягко подталкивая ее к двери*). Завтра я займусь твоей ладонью серьезно и все тебе расскажу. Когда мы с тобой смотрели линии в прошлый раз, было довольно темно, и я, должно быть, ошиблась. Ступай.

Юная Гольбах с легкостью исчезает.

Сцена двадцать восьмая

Г-жа Тербуш, Дидро.

Дидро. Я ждал вас. И очень рад вас видеть снова.

Г-жа Тербуш. Я знала, что это вас порадует.

Дидро. Я как раз намеревался утолить с этой малышкой зверское желание, которое испытывал...

Г-жа Тербуш... Ко мне?

Дидро. Я всегда мечтал провести ночь с Нероном.

Улыбаются друг другу. Но ни один пока не решается приблизиться к другому.

Г-жа Тербуш. Знаете, час назад вы заставили меня испытать новое ощущение. Вы видели меня такой, какова я есть, со всеми моими недостатками, со всеми моими гнусностями, — и при этом я чувствовала себя красивой. Как вам это, удастся?

Дидро. Восхищение красивым преступлением. В качестве мошенницы я нахожу вас неотразимой.

Г-жа Тербуш. При вас я чувствую себя совершенно голой; кажется, я могла бы отложить оружие и прекратить войну полов. Для меня больше не обременительно быть женщиной.

Дидро. Идите сюда. Перемирие.

Она подходит, он по-воровски целует ее, она позволяет, а затем ускользает, слегка смущенная.

Дидро. О! Она краснеет!

Г-жа Тербуш. Я знаю... в моем возрасте вести себя как в восемнадцать лет — это смешно. Дидро. Это очаровательно.

На сей раз она целует его украдкой. Затем, снимает плащ и попросту садится напротив Дидро.

Г-жа Тербуш. А теперь поговорим как друзья...

Дидро (*поправляя*). Как подруги...

Г-жа Тербуш... Что вы пишете в своей статье о морали?

Дидро. Она не будет напечатана. По поводу морали мне придется ограничиться мелкими поделками: стараться причинять как можно меньше зла другим и самому себе, на глазок, на ощупь, импровизируя. Моральной философии мне не сотворить; я удовольствуюсь здравым смыслом и доброй волей, как все нормальные люди. Я даже задаюсь вопросом, не состоит ли подчас мудрость в том, чтобы бросить писать.

Г-жа Тербуш. Вас прямо хочется съесть.

Она приближается к нему. Он делает вид, что не понимает, чтобы распалить ее желание.

Дидро. Так что же это за мысль, которая заставила вас вернуться?

Г-жа Тербуш. Это мысль об... очередном томе.

Дидро. О чем, простите?...

Г-жа Тербуш. Я вернулась ради очередного тома «Энциклопедии», для которого вам придется написать статью «Сладострастие».

Дидро (*тает*). О!... Она вернулась из-за «Энциклопедии»!... (*Прижимает ее к себе; она отвечает на объятие.*)

Г-жа Тербуш. Только не стройте себе иллюзий насчет моей искушенности, я знаю не больше, чем любая женщина...

Дидро. Вы правы. Но статьи такого рода должны создаваться вдвоем.

Они ложатся на софу. Свет становится все слабее.

Дидро. Давайте-ка я набросаю план действий. Прежде всего мы посвятим любви весь вечер.

Г-жа Тербуш. А потом? Дидро. Потом посвятим любви весь ужин. Г-жа Тербуш. А потом? Дидро. Будем заниматься любовью всю ночь. Г-жа Тербуш. А потом? Дидро. А утром мы предадимся еще более сладостному занятию...

Г-жа Тербуш. Какому же, интересно? Дидро. Мы будем беседовать!